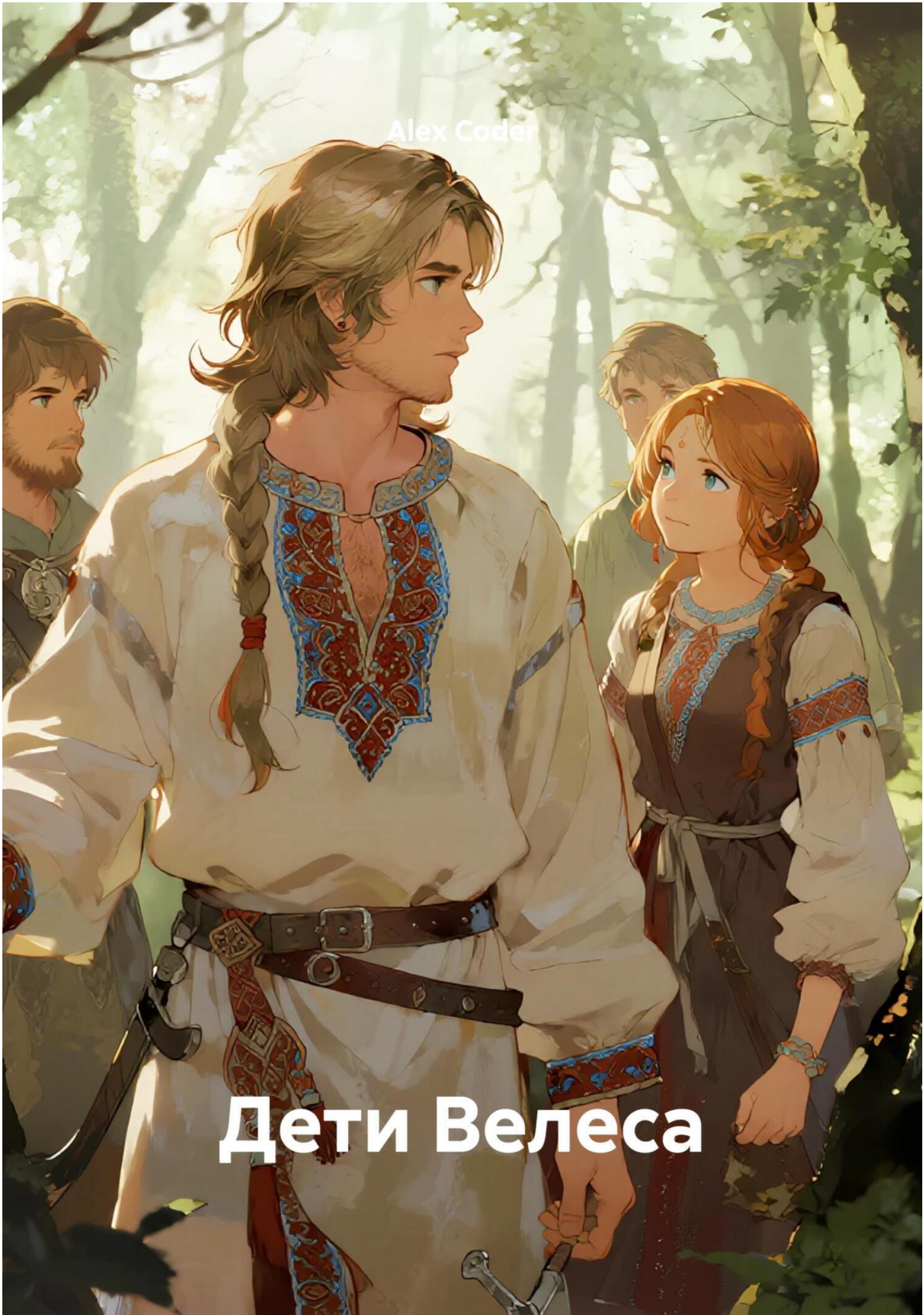

Alex Coder

Дети Велеса

Alex Coder

Дети Велеса

«Автор»

2025

Coder A.

Дети Велеса / A. Coder — «Автор», 2025

Лес не прощает ошибок. Отправленные на древний обряд инициации, четверо друзей сталкиваются не только с голодом и дикими зверями, но и с тайной, пропитанной кровью и ложью. Спасение двух знатных девушек из рук жестоких воинов становится для них роковой ошибкой. Пока лесная дева Мавка, безмолвный свидетель обмана, разрывается между ревностью и желанием помочь, герой оказывается в центре смертельного клубка из боярских интриг, древней магии и предательства. Чтобы выжить, ему придется заплатить страшную цену и понять главный закон чащи: иногда самый опасный зверь — это человек.

© Coder A., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Прощание с солнцем 5
Глава 2. Проводник 7
Глава 3. Не оглядывающиеся 9
Глава 4. Изба на курьих ножках 12
Глава 5. Первая ночь 15
Глава 6. Распределение ролей 18
Глава 7. Голод – первый учитель 21
Глава 8. Дар Лешему 24
Глава 9. Тихий наблюдатель 27
Глава 10. Охотничья удача 29
Глава 11. Разговор у огня 32
Глава 12. Шёпот воды 35
Глава 13. Следы на мху 38
Глава 14. Вызов Ратибора 41
Глава 15. Гнев Болотника 43
Глава 16. Цена самонадеянности 45
Глава 17. Молчание обиды 49
Глава 18. Уроки Велеслава 51
Глава 19. Тени прошлого 54
Глава 20. Знак беды 57
Глава 21. Хозяин Чащи 60
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Alex Coder
Дети Велеса

Глава 1. Прощание с солнцем

Солнце умирало.

Оно не всходило, не поднималось, а именно умирало, истекая холодной, багровой кровью на острия елей, что частоколом стояли на востоке. Низкие, брюхатые тучи лениво ползли с севера, и казалось, сами деревья сдерживают их, не давая окончательно поглотить этот последний, жалкий свет. Воздух, густой и неподвижный, пах прелой листвой, сырым мхом и тем едва уловимым, кислым запахом людского страха, что всегда сопровождает проводы и похороны.

У околицы, на вытоптанной до состояния камня земле, разделявшей деревню и безмолвную пасть леса, стояла тишина. Мертвая, давящая. Даже вечно крикливые петухи молчали, словно зная, что их песня сегодня неуместна.

Четверо парней, словно четыре столба, врытые в мерзлую землю, стояли чуть поодаль от толпы стариков и немногочисленных отцов. Яромир, самый высокий, с широкими, спокойными плечами, не смотрел ни на кого. Его взгляд, серый, как утренний туман, был прикован к крыше собственной избы, откуда тонкой, дрожащей струйкой поднимался в небо сизый дым. Он не видел дым, он видел руки матери, в это самое мгновение ломающие себя в молитве перед грубо вырезанным из дерева ликом Велеса. Он чувствовал, как сжимается ее сердце, и от этого его собственное сердце наливалось свинцом. В руке он сжимал рукоять тяжелого охотничьего топора, и грубая кожа приятно холодила вспотевшую ладонь, давая хоть какую-то точку опоры в этом безвременье.

– Чего скисли, мужики? – Голос Ратибора прозвучал оглушительно громко, неуместно, как хохот на поминках. Он был ниже Яромира, но шире в кости, а на его лице с хищными, весело-злыми глазами застыла наглая ухмылка. Он с силой хлопнул по плечу Гостомысла, стоявшего рядом. – Радоваться надо! Не всякого Леший к себе на науку зовет. Вернемся – девки сами на шею вешаться будут! Я вот бате клялся, что шкуру медведя притащу. Собственноручно снятую.

Гостомысл, самый молодой из них, крепкий, как молодой бычок, но с по-детски наивными синими глазами, дернулся и виновато улыбнулся. Ему было страшно. Животный, первобытный страх сквозил в каждом его движении: в том, как он то и дело проверял крепление ножа на поясе, в том, как бегал его взгляд от лиц провожающих к черной стене леса.

– Шкура-то хорошо, Ратибор, – тихо, почти беззвучно проронил Велеслав. Он стоял чуть поодаль, и казалось, что он и не здесь вовсе. Худой, темноволосый, он смотрел не на людей, а поверх их голов, на верхушки деревьев, словно читал что-то, написанное на фоне багрового неба. – Лишь бы самому шкурой для него не стать. Для медведя-то.

Ратибор хотел было огрызнуться, обозвать Велеслава бабьим шептуном, как делал всегда, но что-то в тихом голосе и неподвижном взгляде парня заставило его замолчать. Велеслав не шутил. Он никогда не шутил.

– Ты вот что скажи, Яромир, – Ратибор повернулся к молчавшему товарищу, и в голосе его прорезалась нотка соперничества, которая всегда звучала, когда он обращался к нему. – Страшно тебе? Или ты у нас из камня сделан?

Яромир медленно перевел на него взгляд.

– Страшно тому, кто один, Ратибор. А нас четверо. Или ты уже себя с нами не считаешь?

– Я? – Ратибор картинно хмыкнул и сплюнул на землю. – Я боюсь только одного – что заскучаю там с вами, кислыми рожами. Мне бы воли да простора!

– Там воли – через край, – подал голос один из стариков, выйдя из толпы. Сидор. Охотник, чья жизнь прошла в лесу. Его лицо, похожее на растрескавшуюся кору дуба, не выражало ничего. Глаза, выцветшие от солнца и ветра, смотрели на парней так, будто они уже были не людьми, а дичью. – Только вот воля лесная – она не для слабых. Она сильного делает сильнее, а слабого давит и в землю втаптывает, чтоб перегноем стал. Пора.

Это слово прозвучало как удар бича. Не выдержали матери. Сдавленный вой, больше похожий на скулеж раненой волчицы, вырвался из толпы. Они бросились к сыновьям, цепляясь за одежду, за руки, пытаясь в последнем объятии передать им толику своего тепла. Мать Гостомысла, дородная, сильная женщина, вцепилась в сына, и по ее лицу градом катились слезы.

– Сыночек… Гостушка… ты только вернись, слышишь… живым вернись…

– Вернусь, мама, вернусь, – бормотал парень, и его собственное лицо скривилось в жалкой, плачущей гримасе.

Яромир почувствовал, как кто-то теребит его за рукав. Его младшая сестра, Милава, совсем еще девчонка с глазами испуганной косули. Она ничего не говорила, только смотрела на него снизу вверх, и в ее глазах стоял весь ужас этого мира. Он присел на корточки, обнял ее худенькие плечи, вдохнул родной запах волос, пахнущих домом, хлебом и солнцем.

– Я вернусь, – тихо, в самое ухо прошептал он. – Вернусь и привезу тебе ожерелье из речного жемчуга. Слышишь?

Она только сильнее затряслась в его руках.

Сидор ждал. Молча, неподвижно, как гранитный идол. Он дал им эту последнюю человеческую слабость, этот последний глоток дома. Когда объятия стали разжиматься, когда плач перешел в тихие, бессильные всхлипы, он поднял руку.

– Всё. Ваша жизнь, та, что была, – кончилась, – его хриплый голос резал по ушам. – В лесу нет ваших имен. Нет отцов и матерей. Нет деревни. Есть вы четверо. Одна стая. И есть Лес. Он вас будет судить. Сломаетесь – останетесь. Выдержите – вернетесь. Но другими.

Он повернулся спиной, не глядя больше ни на кого. Сухая, жилистая фигура в латаном-перелатаном тулупе из волчьих шкур.

– Идите за мной. И запомните мой первый урок: не оглядывайтесь. Кто оглянется – душу свою на этой околице оставит.

И они пошли. Один за другим. Мимо застывших в горе матерей, мимо отцов, сжавших добела кулаки. Яромир шел первым после Сидора, чувствуя на спине взгляды всей деревни. Он слышал тихий плач Милавы, но не смел обернуться. Он сжимал топор и смотрел прямо перед собой, на спину старика.

Они сделали последние шаги по человеческой земле и ступили под сень вековых деревьев. Мгновенно стало темнее, холоднее. Звуки деревни отрезало, будто ножом. И тишина, лесная, древняя, полная невидимой жизни и незримой смерти, обрушилась на них. Прощание состоялось. Солнце для них погасло.

Глава 2. Проводник

Тропы не было.

Точнее, она была, но видна лишь одному Сидору. Для четверых парней, следовавших за ним гуськом, это был просто лес. Бесконечный, первозданный хаос из поваленных, замшелых стволов, гигантских, раскинувших узловатые корни дубов и темных, угрюмых елей, чьи нижние ветви, сухие и колючие, цеплялись за одежду, словно костлявые руки утопленников. Они шли уже несколько часов, но пейзаж не менялся. Все те же деревья, все тот же серый мох под ногами, впитывающий звук шагов, все то же свинцовое небо над головой, едва видное сквозь густое сплетение ветвей.

Сидор шел не оглядываясь. Легко, беззвучно, будто не касаясь земли. Он не ломился сквозь чащу, а струился сквозь нее, как вода. Каждый его шаг был выверен, каждое движение наполнено смыслом. Он пригибался там, где другой бы зацепился, обходил то, на что другой бы наткнулся, и ни одна ветка не хрустнула под его ногами.

Парни же, наоборот, производили шум. Гостомысл то и дело спотыкался о корни, тяжело дыша и ругаясь шепотом. Ратибор шел нарочито громко, ломая сухие ветки и с показной удалью раздвигая заросли, будто бросая вызов этой всепоглощающей тишине. Велеслав, напротив, старался ступать след в след за Сидором, но его тело, не привыкшее к такому, быстро уставало. Лишь Яромир, замыкающий шествие, пытался понять логику этого пути. Он смотрел не только под ноги, но и по сторонам, запоминая сломанную ветку, необычной формы камень, птичье гнездо в расщелине старой сосны. Он понимал, что каждая такая мелочь – это зарубка на теле леса, знак, который можно прочесть, если знаешь азбуку.

Внезапно Сидор остановился. Он замер у огромного валуна, покрытого зелеными бархатными пятнами мха, и приложил палец к губам. Все замерли, напряженно вслушиваясь. Тишина. Звенящая, давящая на уши.

– Что там? Медведь? – громким шепотом спросил Ратибор, сжимая рукоять топора.

Сидор медленно повернул голову, и его выцветшие глаза впились в парня.

– Хуже, – проскрипел он. – Дурак. Дурака в лесу даже Леший боится. Твои шаги, парень, слышно за полверсты. Думаешь, зверь глухой? Думаешь, он будет ждать, пока ты, громыхая, подойдешь и сунешь ему топор под ребра? Зверь чует. Зверь слышит. А главное – он думает. Порой, получше нашего брата.

Ратибор насупился, но промолчал. Унижение от старика было горше пощечины.

– Это вам второй урок, – продолжил Сидор, обводя всех тяжелым взглядом. – Лес не терпит шума. Ни внешнего, ни внутреннего. Идете по лесу – забудьте о девках, о доме, о теплой печи. Ваши мысли – такой же шум. Зверь их не услышит, нет. Но они сделают глухим тебя. Ты будешь думать о горячей похлебке, а в это время пропустишь, как хрустнула ветка под лапой рыси. Будешь мечтать о мягкой постели – и не заметишь змею под ногами. Ваш главный враг здесь – не медведь и не волк. Ваш главный враг – вы сами. Ваши желания. Ваши страхи. Ваша память.

Он помолчал, давая словам впитаться. Гостомысл слушал, открыв рот. Велеслав понимающе кивал, словно старик говорил очевидные для него вещи. Ратибор сверлил Сидора злым, непокорным взглядом. Яромир же пытался осмыслить сказанное. Он всегда считал, что охотник – это сила, меткий глаз и твердая рука. Но старик говорил о другом. О пустоте внутри.

– Вы идете не в лес, – Сидор ткнул корявым пальцем куда-то в сторону. – Вы идете в себя. Лес – лишь зеркало. Он покажет каждому, что у него внутри. Трусость, гордыню, жадность, глупость. Он все это вытащит наружу и ударит вас этим по лицу. Гостомысл, – парень вздрог-

нул, услышав свое имя. – Ты боишься. Я вижу это по твоим глазам. Твой страх – это вонь, которую хищник чует за версту. Ты должен не прятать его, а посмотреть ему в лицо. Принять его. Страх – это хорошо. Он делает тебя осторожным. Но если он твой хозяин, ты – покойник.

Он перевел взгляд на Ратибора.

– Ты, парень, хочешь всем доказать, что самый сильный. Это твоя гордыня. Она кричит громче, чем трещат сучья под твоими ногами. Ты бросишься на медведя не потому, что это нужно, а чтобы потешить себя. И медведь с удовольствием снимет с тебя шкуру вместе с твоей спесью. В лесу нет "самых сильных". Есть живые и мертвые. Все.

Взгляд старика остановился на Велеславе.

– Ты… ты слышишь лес. Это твой дар и твое проклятие. Ты слышишь слишком много. Шепот листьев, стон старого дерева, плач потревоженного духа. Ты должен научиться отделять важное от пустого, иначе сойдешь с ума от этих голосов. Не дай им поглотить себя.

Наконец, он посмотрел на Яромира. Долго, изучающе, будто пытался заглянуть под кожу, в самую душу.

– А ты, – сказал он медленно, – ты слишком много думаешь. Пытаешься все разложить по полочкам, всему найти причину. Лес не живет по правилам. У него нет логики. Сегодня он кормит, завтра убивает. Без всякой причины. Просто потому, что он – это он. Ты пытаешься понять его умом, а его надо чувствовать. Животом. Кожей. Как зверь. Перестанешь думать – начнешь выживать.

Сидор отвернулся от них и приложил ладонь к валуну, закрыв глаза.

– Этот камень помнит, как на земле не было ни деревьев, ни людей. Он – сердце этого места. Подойдите. Приложите руки. Попросите у него силы и тишины. Не словами. Молча.

Парни, переглянувшись, нерешительно подошли. Гостомысл и Ратибор коснулись камня с недоверием. Велеслав же прижался к нему всем телом, будто обнимая древнего предка. Яромир положил ладонь на холодный, влажный мох. И в этот момент он почувствовал. Не умом, а всем своим существом. Глубокую, темную, первобытную тишину, исходящую из самых недр земли. Тишину, в которой тонули все его мысли, все страхи и воспоминания. На одно короткое мгновение он стал частью этого камня, этого леса. Он был пуст. И впервые за этот бесконечный день ему стало не страшно. Ему стало спокойно.

– Вот так, – сказал Сидор, не открывая глаз. – Теперь вы готовы идти дальше. И помните: лес всегда отвечает. Главное – задать правильный вопрос. И суметь услышать ответ.

Он снял руку с камня и, не оборачиваясь, двинулся вглубь чащи. И парни пошли за ним, но уже по-другому. Тише. Внимательнее. Они все еще были юнцами, выброшенными из привычного мира, но что-то внутри них начало меняться. Они сделали первый шаг по превращению из деревенских парней в лесных охотников. Они учились молчать.

Глава 3. Не оглядывающиеся

К полудню лес начал меняться. Он словно старел на глазах. Деревья становились толще, их кора темнее и грубее, испещренная глубокими морщинами, из которых сочилась бурая смола, похожая на запекшуюся кровь. Воздух стал плотнее, насыщенный запахами гниения и сырой земли, запахом вечности, в котором едва угадывался сладковатый, дурманящий аромат неизвестных цветов. Солнце, если оно и было там, за пеленой облаков и ветвей, исчезло окончательно. Свет теперь был не дневным, а каким-то иным – тусклым, серым, неподвижным, словно они опустились на дно глубокого зеленого озера.

Они вышли к ручью. Не веселому, журчащему, а черному, молчаливому потоку, что лениво нес свои воды между скользких, покрытых тиной валунов. Вода была настолько прозрачной, что казалась бездонной. По обоим берегам ручья росли папоротники, огромные, в рост человека, с резными листьями, похожими на перья гигантских, доисторических птиц.

Сидор остановился у самой воды, опустил в нее ладонь.

– Вот она. Грань, – сказал он, не оборачиваясь.

Парни столпились за его спиной, с тревогой вглядываясь в темную воду.

– Какая грань, дед? – спросил Ратибор, не удержавшись. Ему было не по себе от этого места, и бравада была его единственной защитой. – Что за ручьем? Другое княжество? Земли кочевников?

Сидор медленно вынул руку из воды. С нее не упало ни капли.

– За этим ручьем – все тот же лес. Деревья те же. Звери те же. Но закон другой.

– Закон? – не понял Гостомысл. – Какой еще закон? Тут разве бояре свои указы пишут?

Старик усмехнулся, но смех его был похож на шелест сухих листьев.

– Бояре… князья… Их указы и законы – пыль. Пыль на ветру. Здесь, за этой водой, их власть кончается. Их боги молчат. Ваши материнские молитвы сюда не долетают. Это место не принадлежит людям. Оно принадлежит Ему. Хозяину.

Он обвел взглядом заросли папоротника.

– Мы зовем его Лешим. Кто-то – Лесовиком, кто-то – Велесом в его диком обличье. Имена не важны. Важна суть. Все, что вы знали о мире, – там, – он махнул рукой назад, в сторону, откуда они пришли. – Справедливость, милость, жалость – это слова из человеческих сказок. Здесь закон один: выживи. Любой ценой. Здесь нет добра и зла. Есть только жизнь и смерть. Сила и слабость. Лес не будет вас жалеть, если вы ослабнете. Он сожрет вас. Переварит. И весной на ваших костях вырастет новый мох. Без злобы. Без ненависти. Просто потому, что таков порядок.

Яромир смотрел на воду. Он понимал, что старик говорит не о ручье. Этот поток был символом, последней чертой, за которой юность, дом, все привычное останется позади. Это был Рубикон, река, отделяющая мир живых от мира, где живые каждую секунду рискуют стать мертвыми.

– А… духи? – едва слышно спросил Велеслав, его глаза горели темным огнем. – Они здесь?

Сидор впервые посмотрел на него с чем-то похожим на уважение.

– Они везде, парень. Но там, – он снова кивнул назад, – они прячутся. Боятся света, шума городов, запаха железа. А здесь… здесь их дом. Они выглядывают из-за каждого ствола, смотрят на тебя из каждой тени. Ты услышишь смех мавок в шелесте листвы, увидишь глаза русалки в отражении омута. Услышишь, как болотник зовет тебя по имени голосом твоего отца.

Гостомысл поежился и плотнее запахнул свой тулуп.

– И что делать? Как от них… защищаться? Крестным знамением? Молитвой?

– Молитвы вашим богам здесь никто не услышит, – отрезал Сидор. – А вот если покажешь Хозяевам кукиш, обидишь их насмешкой или неуважением – беды не оберешься. Защита одна – почтение. Вы здесь гости. Ведите себя, как гости в чужом доме, где хозяин суров и не любит шума. Пришел к ручью – оставь в дар ленточку или краюху хлеба Водяному. Проходишь мимо старого дуба – поклонись и оставь что-то для Лешего. Не из страха. Из уважения. Лес не любит трусов. Но и наглецов не прощает. Он любит вежливых.

Он сделал шаг и легко перепрыгнул на другой берег. Встал, ожидая.

– Ну? Время сделать шаг. Но помните, что я говорил про околицу. Здесь то же самое. Перейдете – назад дороги нет. Ни в мыслях, ни в сердце. Сомнение, тоска по дому, сожаление – все это гири. Они утащат вас на дно, и никакой болотник не понадобится. Оставьте все здесь. На этом берегу. Переходите через ручей чистыми. Пустыми. Как новорожденные. Иначе не выживете.

Парни замерли. Это был последний выбор. Возможность остаться людьми в привычном им мире, где есть добро, зло и надежда на милость богов. Или шагнуть в мир первобытный, жестокий, честный в своей безжалостности, где надеяться можно только на себя.

Ратибор, не выдержав напряжения, шумно выдохнул.

– Да что мы, как девки, мнемся! – рявкнул он и, разбежавшись, с силой перепрыгнул ручей, приземлившись рядом с Сидором. – Я пришел сюда стать охотником, а не сказки слушать!

– Что ж, один уже шагнул, – безэмоционально произнес старик.

Велеслав, не раздумывая, последовал за ним. Он перешел ручей вброд, не боясь замочить ноги, словно вода была для него родной стихией. Он шагнул на другой берег, как будто вернулся домой.

Остались двое. Гостомысл смотрел на черную воду, и на его лице отражалась мучительная борьба. Он закусил губу до крови, и Яромир видел, как дрожат его плечи.

– Я не могу, – прошептал он, глядя на Яромира умоляющим взглядом. – Яромир, я хочу домой. К маме…

– Ты слышал, что сказал Сидор, – ровно ответил Яромир, хотя у самого в груди ворочался холодный ком. – Дороги назад нет. Даже если мы сейчас повернем, мы не найдем пути. Этот лес нас не отпустит. Мы либо идем вперед, либо умираем здесь.

– Но там… – Гостомысл всхлипнул, как ребенок. – Там все чужое… страшное…

– А ты думал, испытание – это в лесу грибы собирать? – голос Яромира стал жестче. – Ты сам захотел. Мы все хотели доказать, что мы мужчины. Вот и доказывай. Не Ратибору, не Сидору. Себе. Посмотри на меня, Гостомысл.

Тот поднял на него заплаканные глаза.

– У тебя есть два пути, – сказал Яромир, глядя ему прямо в душу. – Либо ты переходишь этот ручей как воин, который идет в бой, либо ты так и останешься на этом берегу испуганным мальчишкой. И тогда лес съест тебя первым. Не потому что он злой. А потому что слабые здесь не нужны. Выбирай, кем ты хочешь быть.

Яромир не стал ждать ответа. Он глубоко вдохнул, закрыл на мгновение глаза, мысленно прощаясь со своей прошлой жизнью, с сестрой, с домом. Затем открыл их и, не оглядываясь, широким шагом переступил через черный ручей.

На том берегу стояла тишина. Сидор, Ратибор, Велеслав и Яромир молча смотрели на Гостомысла. Тот стоял один, на границе двух миров. Он еще несколько долгих секунд смотрел себе под ноги, на землю, которая была ему знакома. Затем медленно поднял голову. Слезы высохли. Во взгляде его была пустота и отчаянная решимость. Не говоря ни слова, он шагнул в темную, холодную воду и вышел на их берег.

Теперь их было пятеро на этой стороне. Пятеро, отрезавших себя от прошлого. Неоглядывающиеся. И лес, наблюдавший за ними тысячами невидимых глаз, принял их. Испытание началось по-настоящему.

Глава 4. Изба на курьих ножках

Они шли до тех пор, пока от дневного света не осталось даже намека. Лес вокруг превратился в непроглядный мрак, где каждый ствол казался застывшим чудовищем, а сплетение ветвей над головой – гигантской паутиной, накрывшей мир. Единственным ориентиром была сухая, прямая спина Сидора, едва различимая впереди. Он не зажигал огня, двигаясь в этой тьме с уверенностью ночного зверя. Парни спотыкались, падали, натыкались друг на друга, но упрямо шли вперед, ведомые не зрением, а инстинктом и остатками доверия к проводнику.

Внезапно воздух изменился. Запах гнили и сырой земли сменился теплым, жилым ароматом дыма, смолы и чего-то неуловимо знакомого, похожего на запах старого, заброшенного дома. Сидор остановился.

– Пришли, – проскрипел он.

Впереди, на небольшой поляне, окруженной стеной гигантских, древних сосен, стояла изба. Но это была не обычная деревенская изба. Она казалась живым, притаившимся существом. Срубленная из почерневших от времени, необтесанных бревен, она словно вросла в землю. Низкая крыша была так густо покрыта мхом и лишайником, что напоминала косматую зеленую шапку. Окон не было – лишь два маленьких, затянутых бычьим пузырем отверстия, которые в темноте походили на мутные, слепые глаза. Но самое странное было то, на чем она стояла. Изба была приподнята над землей на огромных пнях-опорах, вывороченных из земли с корнями, и эти переплетенные, узловатые корни действительно напоминали скрюченные лапы гигантской птицы.

– Что это за… место? – выдохнул Гостомысл, с благоговейным ужасом глядя на строение.

– Твой дом, парень, – ответил Сидор. – На ближайшее время. Может, на всю оставшуюся жизнь. Кто знает.

Он подошел к низкой, сколоченной из грубых досок двери и толкнул ее. Дверь со стоном, похожим на старческий кашель, отворилась, выпуская наружу облако теплого, спертого воздуха. Внутри, в большом каменном очаге, тлели угли. Кто их зажег и когда – было непонятно. Казалось, они тлели здесь вечно. Их слабый, пульсирующий свет выхватывал из темноты очертания комнаты: грубо сколоченный стол, четыре лавки, лежанка, застеленная шкурами, да пучки сушеных трав под потолком.

– Заходите, располагайтесь, – бросил Сидор, входя внутрь. – Здесь тепло. Вода в бочке у входа. Дрова в поленнице за избой.

Парни, ежась от ночной прохлады и необъяснимой тревоги, которую внушало это место, один за другим вошли внутрь. Яромир первым делом подошел к очагу. Он бросил на угли пару сухих поленьев, и вскоре по избе заплясали живые, теплые тени. Стало уютнее, но ощущение чужого, враждебного присутствия не пропадало.

Ратибор прошелся по комнате, пиная лавку и проводя рукой по шершавым стенам.

– Ну и дыра, – громко сказал он. – Хуже, чем хлев у моего бати. Долго нам тут киснуть?

– Вечность коротка, если знаешь, что делать, – Сидор сел на лавку у стола, вытащил из-за пояса нож и начал задумчиво ковырять им столешницу. – А если не знаешь, то и день покажется пыткой.

Он окинул всех своим нечитаемым взглядом.

– Вот вам мой последний урок на сегодня, щенки. Дальше – сами. Этот лес – живой. Эта изба – тоже. У нее есть свой норов. Если будете в ней сраться, ругаться, лениться – она

вас выживет. Начнет гнить, потекут стены, разведутся хвори. Будете содержать ее в чистоте, уважать, как родной дом – она вас укроет и согреет. У каждого места есть душа. И с этой душой нужно уметь договариваться.

Он встал. Взял с лежанки старый, видавший виды тулуп, перекинул через плечо лук.

– Куда ты, дед? – встревоженно спросил Гостомысл. – Уже уходишь?

– Мое дело – привести. Проводил. Дальше – ваша тропа, – Сидор подошел к двери. – Ждите, пока выпадет первый снег. Глубокий, который ляжет до весны. Тогда я приду за вами. Если будет, за кем приходить.

– А… как же нам… если что случится? Куда идти? – Гостомысл сделал шаг к нему.

Сидор остановился в дверях, его силуэт четко вырисовывался на фоне ночной тьмы. Он медленно обернулся.

– Идти? – он тихо, страшно рассмеялся. – Парень, вы находитесь в сердце древнего леса. Отсюда во все стороны – месяц пути до ближайшего человеческого жилья. Но это если знать тропу. А вы ее не знаете. Я водил вас кругами, путал следы. Даже если вы сейчас пойдете по моим стопам – через сотню шагов они исчезнут. Вы заблудитесь и сдохнете от голода через неделю. Выхода отсюда нет. Только тот, что я покажу. Или тот, что приведет вас прямиком в брюхо волку.

Эти слова упали в тишину избы, как камни в глубокий колодец. Осознание стало полным и окончательным. Они были в ловушке. В тюрьме без стен и решеток, где сама природа была их тюремщиком.

Яромир встретился взглядом с Сидором. В глазах старика не было ни злобы, ни жалости. Лишь суровая констатация факта.

– Зачем? – тихо спросил Яромир. – Зачем отрезать все пути? Неужели нельзя было просто учить?

– Учат в деревне, как плести лапти, – ответил Сидор. – А здесь не учат. Здесь выживают. Человек учится по-настоящему, только когда у него за спиной не надежда, а пропасть. Когда он знает, что никто не придет, никто не поможет, никто не спасет. Только тогда он перестает быть щенком и становится волком. Или дохнет.

Он посмотрел на каждого из них в последний раз.

– Помните одно. Главное правило стаи. Вместе – вы сила. Поодиночке – вы просто мясо.

С этими словами он шагнул за порог. Дверь за ним не закрылась. Просто черная, непроглядная тьма снаружи качнулась и поглотила его фигуру. Он не ушел. Он растворился.

Несколько мгновений в избе стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в очаге. Затем Ратибор с силой ударил кулаком по столу.

– Старый хрыч! Бросил нас, как котят в реку!

– Он предупреждал, – глухо сказал Велеслав, глядя в пустой дверной проем. – Он сказал, что мы здесь одни.

Гостомысл опустился на лавку и обхватил голову руками. Его плечи мелко дрожали.

– Что же нам теперь делать?..

Яромир подошел к двери и закрыл ее на тяжелый деревянный засов. Глухой стук засова прозвучал окончательным приговором. Он повернулся к остальным, и в его глазах, отражавших пламя очага, не было страха. Была тяжелая, холодная решимость.

– Делать? – он обвел взглядом поникшие фигуры товарищей. – То, зачем мы сюда пришли. Выживать.

Глава 5. Первая ночь

Тишина, наступившая после щелчка засова, была иной. Не лесной, древней и полной скрытой жизни, а мертвой, ватной, какая бывает в склепе. Она давила на уши, забиралась под кожу, пропитывала саму душу липким, холодным страхом. Огонь в очаге был единственным живым существом в этой избе, и четыре юноши жались к нему, словно ища защиты, но даже его тепло не могло прогнать внутренний озноб.

Никто не решался заговорить первым. Слова казались неуместными, жалкими перед лицом той бездны одиночества, что разверзлась перед ними. Они были островом, крохотным пятнышком света и тепла посреди безбрежного, темного, равнодушного океана. И океан этот дышал, шелестел, ухал и выл тысячами незнакомых голосов прямо за тонкими бревенчатыми стенами. Каждый шорох, каждый треск ветки, каждый далекий крик ночной птицы заставлял их вздрагивать, и взгляды невольно метались к запертой двери, к затянутым пузырем окнам-глазницам.

– Нужно… поесть, – голос Гостомысла был хриплым и надтреснутым. Он говорил не потому, что был голоден, а потому, что молчание стало невыносимым. Он развязал свой сидор, достал завернутую в чистую тряпицу краюху хлеба и кусок сала. Дар матери. Последний привет из прошлой жизни.

Вид еды вывел остальных из оцепенения. Они тоже разложили на столе свои скудные припасы. Никто не ел жадно. Они отламывали маленькие кусочки, медленно, тщательно пережевывали, словно пытаясь растянуть этот последний вкус дома.

– Моя мать пекла этот хлеб вчера утром, – тихо сказал Гостомысл, глядя на свой кусок так, словно это было сокровище. – Она, наверное, сейчас не спит. Думает, где я. Тепло ли мне…

Ратибор с силой вонзил нож в кусок сала и отрезал добрую половину.

– Хватит сопли жевать! – рыкнул он, но в его голосе не было привычной уверенности, лишь грубость, прикрывающая страх. – Матери… Забудь. Нет у нас матерей. Нет домов. Есть только этот хлев и мы. И жратва, которая кончится через три дня. Вот о чем думать надо! Что жрать будем, когда это кончится? Мох?

– Лес накормит, – подал голос Велеслав. Он почти не ел, лишь пил воду из деревянной кружки, и его темные глаза были устремлены в огонь. – Тех, кто умеет просить. И брать.

– Просить? – Ратибор хохотнул. – У кого, у белок? Я привык брать то, что мне нужно. Силой.

– Сила дуба – в его корнях, а не в ветвях, которые он выставляет напоказ, – не оборачиваясь, ответил Велеслав. – Сила волка – в стае, а не в клыках. А твоя сила, Ратибор… в чем она? В громком голосе и остром языке? Лес такого не оценит.

Ратибор вскочил, опрокинув лавку.

– Ты что сказал, шептун?! Повтори!

– Сядь, – ровный, спокойный голос Яромира прозвучал как удар хлыста. Ратибор замер и обернулся. Яромир не двигался, сидел на своем месте, но во взгляде его была сталь. – Сядь. И успокойся.

Их глаза встретились над столом. В полумраке, освещенные пляшущим пламенем, они были похожи на двух молодых волков, готовых вцепиться друг другу в глотку. Но Ратибор,

помедлив, отвел взгляд первым. Он с грохотом поднял лавку и тяжело опустился на нее, продолжая сверлить Велеслава ненавидящим взглядом.

– Он прав, – продолжил Яромир, обращаясь ко всем. – Мы сейчас, как четыре головешки в костре. Будем вместе – будем гореть. Начнем раскатываться по сторонам – поодиночке истлеем. И ссоры – это первое, что нас потушит.

– А что ты предлагаешь, вожак? – с ядом в голосе спросил Ратибор. – Будем тут сидеть и держаться за руки, пока с голоду не передохнем?

– Я предлагаю спать, – отрезал Яромир. – Ночь темная. Завтрашний день длинный. Нам понадобятся силы. Надо установить дежурство. По двое. Двое спят, двое следят за огнем и слушают. Мало ли какой зверь на дым придет. Я останусь первым. Со мной…

– Я, – тихо сказал Велеслав, не дожидаясь ответа.

Гостомысл и Ратибор, не сговариваясь, отошли к широкой лежанке. Усталость и эмоциональное истощение взяли свое. Они завернулись в тяжелые, пахнущие зверем шкуры и вскоре их дыхание стало ровным.

Яромир подсел к огню, напротив Велеслава. Они долго молчали. Лес за стенами жил своей жизнью, перешептывался, вздыхал.

– Думаешь, мы справимся? – неожиданно спросил Яромир, глядя в огонь. Он задал этот вопрос не кому-то, а себе, но Велеслав услышал.

– Лес никого не убивает просто так, – так же тихо ответил тот. – Он лишь ставит тебя в такие условия, где ты убиваешь себя сам. Своей глупостью, своей слабостью или своей гордыней.

– Ратибор…

– Ратибор – наш самый тяжелый груз. И наше самое главное испытание. Если мы сможем ужиться с ним, мы сможем договориться и с Лешим.

Яромир усмехнулся.

– С Лешим, пожалуй, будет проще.

Они снова замолчали. Яромир взял в руки свой топор, провел пальцем по острому лезвию. Ощущение холодной, надежной стали немного успокаивало. Велеслав закрыл глаза и, казалось, задремал, хотя его спина оставалась идеально прямой.

Усталость медленно окутывала Яромира. Пламя в очаге гипнотизировало, голоса леса сливались в монотонный, убаюкивающий гул. Он начал проваливаться в сон, но это был не сон, а тяжелое, липкое забытье, полное тревожных образов.

Ему снилось, что он стоит на околице родной деревни, но сама деревня пуста. Дома стоят с темными, выбитыми окнами, и из печных труб не вьется дымок. Тишина. Мертвая, абсолютная. Он зовет мать, сестру, но в ответ ему лишь эхо. И вдруг он понимает, что деревья… они подступают. Медленно, неумолимо, гигантские, темные сосны и ели шагают прямо на деревню, выкорчевывая из земли свои корни-лапы. Он пытается бежать, но ноги увязли в земле. Он кричит, но из горла не вырывается ни звука. И вот одна гигантская ель нависает над ним, и ее сухие нижние ветви, словно костлявые пальцы, тянутся к его лицу…

Яромир вздрогнул и рывком открыл глаза. Сердце бешено колотилось в груди, лоб покрылся холодной испариной. Огонь в очаге почти погас. Напротив сидел Велеслав и смотрел на него своими бездонными глазами.

– Плохой сон? – спросил он.

– Лес, – выдохнул Яромир. – Он… наступал.

– Он не наступал, – спокойно ответил Велеслав. – Он звал. Просто ты еще не готов услышать его зов правильно.

Яромир встал, прошелся по избе. Заглянул в бочку с водой – половина. Потрогал засов на двери – крепкий. Все было на месте. Но чувство, что они не одни, что кто-то или что-то невидимое стоит прямо за стеной и наблюдает, слушает, ждет – стало невыносимо сильным.

Он снова сел у огня, подбросил дров. Осознание пришло не как мысль, а как удар под дых. Они абсолютно, окончательно одни. Никто не придет. Никто не поможет. Их жизнь и смерть теперь в их собственных руках. И эта ночь была лишь первой. Впереди их ждала целая вечность таких ночей. И рассвет казался не спасением, а лишь отсрочкой приговора.

Глава 6. Распределение ролей

Утро пришло не как рассвет, а как медленное, неохотное отступление тьмы. Серый, безрадостный свет просачивался сквозь затянутые пузырем окна, и изба, казавшаяся ночью убежищем, теперь предстала во всей своей убогой неприглядности. Пахло холодной золой, сыростью и немытыми мужскими телами. Тишина была тяжелой, наполненной невысказанным напряжением.

Яромир проснулся первым, хотя сном его тревожное забытье можно было назвать с натяжкой. Он чувствовал, как затекла спина от сидения на твердой лавке, и голова была чугунной. Ратибор и Гостомысл спали, сбившись в кучу на лежанке, как два медвежонка. Велеслав же исчез. Дверь была приоткрыта, и в избу тянуло утренней, знобкой прохладой.

Яромир вышел на улицу. Лес вокруг дышал. Густой, белый туман цеплялся за ветви, стелился по земле, превращая поляну в островок посреди молочного моря. Каждый звук – падение капли с сосновой лапы, далекий стук дятла – был оглушительно четким и чистым. Велеслав стоял у кромки леса, неподвижно, как изваяние, и смотрел в туманную пелену.

– Что там? – тихо спросил Яромир, подойдя.

– Слушаю, – так же тихо ответил Велеслав, не оборачиваясь.

– И что слышишь?

– Лес просыпается. Вода зовет напиться. Зверь идет на водопой. И земля просит, чтобы по ней ходили тихо.

Яромир проследил за его взглядом, но видел лишь колышущуюся белую мглу.

– Я пойду, осмотрюсь, – сказал Велеслав. – Далеко не отойду. Нужно знать, какие соседи у нас под боком. И что можно положить в котел, кроме наших сапог.

Не дожидаясь ответа, он шагнул в туман и растворился в нем через два шага, не издав ни единого звука. Яромир вернулся в избу, раздул угли, подбросил дров. От треска проснулся Гостомысл, сел на лежанке, испуганно озираясь.

– Где… где Велеслав?

– На разведку пошел, – ответил Яромир.

Вскоре заворочался и Ратибор. Он сел, зевнул, потянулся с хрустом и оглядел избу.

– Ну и дыра… С чего день начинать будем, вожак? Молиться твоим пням станем или сразу за корой пойдем, брюхо набить?

Его голос сочился утренней злостью и сарказмом. Яромир проигнорировал выпад.

– Начинать надо с дела. Сидор сказал: изба – живая. Значит, надо привести ее в порядок. Гостомысл, твоя спина крепкая – таскай дрова, поленница должна быть полной. Воды наноси из ручья, бочка почти пустая. И вытряхни эти шкуры, в них блох, поди, больше, чем шерсти.

Гостомысл, обрадованный четкому приказу, тут же вскочил.

– А ты что будешь делать? Руководить? – Ратибор не унимался. Он встал, подошел к Яромиру и посмотрел на него снизу вверх, вызывающе.

– Я проверю, что в этой избе есть полезного. Силки, ловушки, может, соль осталась. И приведу в порядок очаг, – спокойно ответил Яромир, глядя ему прямо в глаза.

– То есть, ты тут, в тепле, с железками ковыряться будешь, а мы с Гостомыслом – воду таскать да дрова рубить? Не жирно ли, Яромир? Кто тебя главным-то назначил?

– Никто, – голос Яромира оставался ровным, но в нем появились ледяные нотки. – И тебя никто. Сейчас нет "главных" и "помощников". Есть те, кто хочет выжить, и те, кто будет мерить силу, пока остальные не сдохнут от голода.

– А я считаю, все надо по-честному решать, – Ратибор упер руки в бока. – Давай на кулаках. Кто победит, тот и вожак. Коротко и ясно. Как у волков.

– Мы не волки, Ратибор, – вмешался Гостомысл, который до этого испуганно наблюдал за перепалкой. – Мы же… вместе…

– Заткнись! – рявкнул Ратибор, не глядя на него. – Это мужской разговор.

Яромир медленно выпрямился. Он был на полголовы выше Ратибора, и тень от него падала на заносчивое лицо соперника.

– Ты хочешь драться? Здесь? Сейчас? – тихо спросил он. – Хорошо. Представь, что ты победил. Я лежу, у меня сломана рука или разбито лицо. Что дальше? Гостомысл один будет делать всю работу? Или ты, наш новый вожак, пойдешь вдвоем с Велеславом на кабана? Калека в лесу – это обуза. Он тянет всех на дно. Хочешь, чтобы я стал обузой? Или, может, я сломаю тебе ногу, и тогда обузой станешь ты?

Он сделал шаг вперед, и Ратибор невольно отступил.

– Твоя волчья "честность" – это глупость. Волки дерутся за самку или за место вожака, когда стае грозит голод, и нужен самый сильный. Мы же еще даже не попытались что-то сделать. Твоя драка нужна не стае. Она нужна только тебе. Чтобы потешить свою гордыню. Ты хочешь власти, Ратибор. А я – выжить. Чувствуешь разницу?

Ратибор молчал, лишь желваки ходили на его скулах.

– Я не прошу мне подчиняться, – продолжил Яромир, понизив голос. – Я предлагаю делать то, что разумно. Сейчас изба и припасы – это самое важное. Это наша берлога. Наш единственный шанс пережить первую неделю. Потом – охота. И вот там посмотрим, чье копье бьет точнее и чьи ноги быстрее. Но если наша берлога будет гнилой и пустой, то охотиться будет некому. Ты можешь сейчас ударить меня. И я ударю в ответ. И завтра, может быть, нас найдет Велеслав – двух покалеченных идиотов и одного насмерть перепуганного Гостомысла. Этого ты хочешь?

Ратибор молча развернулся, схватил топор, что стоял у очага, и с яростью вылетел из избы. Через минуту снаружи послышались бешеные, отрывистые удары топора по дереву. Он вымещал свою злость на сухих стволах.

Гостомысл посмотрел на Яромира с восхищением и страхом.

– Я… я пойду за водой, – пробормотал он и выскользнул наружу.

Яромир остался один. Он устало провел рукой по лицу. Победы он не чувствовал. Лишь горечь. Он понимал, что это не конец. Это лишь начало. Он выиграл не бой, а лишь отсрочил

его. И следующего такого разговора может и не быть. Ратибор затаил злобу. И эта злоба, как гной в ране, будет отравлять их изнутри, пока не прорвется наружу.

Он принялся за дело. Осмотрел избу, нашел в углу под шкурами старую, но еще крепкую сеть, несколько мотков крепкой бечевы из жил и глиняный горшок с остатками соли на дне. Находка была бесценной. Он carefully собрал соль в кожаный мешочек. Пока он работал, в избу вернулся Велеслав. Бесшумно, как тень. В руках у него были грибы, похожие на желтые уши, пучок каких-то кореньев и несколько еловых веток.

– Что это? – спросил Яромир.

– Обед, – просто ответил Велеслав. – И ужин. И чай, который прогонит хвори.

Он сел у очага и начал разбирать свою добычу, что-то бормоча себе под нос. Ратибор продолжал рубить дрова. Гостомысл таскал воду. Яромир готовил снасти.

Каждый был занят делом. Они не разговаривали. Но это было уже не мертвое молчание страха, а напряженная тишина работы. Негласное распределение ролей состоялось. Яромир стал головой, предлагающей разумные решения. Велеслав – глазами и ушами, добывающим знания и пищу. Гостомысл и Ратибор – руками, грубой силой. Но если Гостомысл подчинялся из уважения и страха, то Ратибор – лишь потому, что его ярость нашла временный выход.

И все четверо понимали: этот хрупкий мир был временным. Как затишье перед бурей. И буря обязательно грянет. Лес будет проверять их не только голодом и холодом, но и ими же самими.

Глава 7. Голод – первый учитель

Два дня прошли в тяжелом, молчаливом труде. Изба преобразилась: поленница выросла до самой крыши, бочка была полна ледяной, отдающей железом ручьевой воды, шкуры вычищены и просушены у огня. Съестные припасы, принесенные из дома, кончились. Последнюю горбушку хлеба разделили на четверых, и этот обряд прошел в такой торжественной тишине, будто они причащались. Теперь их кормил только Велеслав. Он приносил коренья, грибы и какие-то кисловатые ягоды, найденные под снегом. Из этого варили жидкую, пахнущую землей похлебку. Она притупляла острое чувство голода, но не насыщала. Тело, привыкшее к салу, мясу и хлебу, слабело. По ночам сводило мышцы, а мысли становились вязкими и короткими, концентрируясь на одном – еда.

Голод – это не просто пустота в желудке. Это червь, который заводится внутри. Он точит тебя, пожирает не только плоть, но и разум. Он делает тебя злым, раздражительным. Цвета тускнеют, звуки становятся резкими, а любая мелочь раздувается до вселенских масштабов. Яромир видел, как меняются лица товарищей. Гостомысл стал тихим и апатичным, двигался, как во сне. Велеслав, казалось, почти не замечал голода, его худое, аскетичное тело было привычно к лишениям. Но самым страшным был Ратибор.

Его и без того злой нрав превратился в чистую желчь. Он перестал рубить дрова, целыми днями сидел у огня, точил свой топор и сверлил остальных голодными, волчьими глазами.

На утро третьего дня, когда Велеслав снова поставил на огонь котелок с бурой жижей, Ратибор не выдержал. Он вскочил и с силой пнул котелок. Кипяток шипя, хлынул в очаг, заливая огонь.

– Хватит! – заорал он, и в его крике была истерика. – Хватит жрать эту землю! Я пришел сюда не для того, чтобы стать кротом! Я – охотник! Мне нужно мясо!

– Огонь погасил, дурень, – спокойно сказал Велеслав, глядя на шипящие угли. – Теперь будем мерзнуть. Мяса захотел? Вон лес. Иди и возьми.

– И пойду! – огрызнулся Ратибор. – Только не один! Хватит отсиживаться. Сегодня мы идем на охоту. Все.

В его голосе была такая стальная уверенность, что никто не возразил. Идея охоты, обещание горячего, жирного мяса, от запаха которого ломило в зубах, была слишком соблазнительной.

Они готовились в лихорадочной спешке. Яромир и Ратибор взяли топоры и копья с кремневыми наконечниками, что нашлись в избе. Гостомысл вооружился тяжелой дубиной. Велеслав взял лишь длинный нож и свой лук – кривой, невзрачный, связанный из двух разных пород дерева, но, как он уверял, бьющий точно.

Выйдя из избы, они впервые осознали, насколько беспомощны. Лес, огромный, молчаливый, смотрел на них с холодным безразличием. Куда идти? Где искать зверя?

– Вон, следы, – Ратибор ткнул копьем в сторону цепочки отпечатков на подмерзшей земле. – Похоже на косулю. И свежие. Идем!

– Подожди, – остановил его Велеслав. – Ветер дует от нас прямо на них. Она почует нас за полверсты. Нужно обойти.

– Обойти? – Ратибор рассмеялся. – Пока мы тут будем круги нарезать, она до другого края света добежит! Я иду прямо. Кто со мной? Кто не баба, которая ветра боится?

Он вызывающе посмотрел на Яромира. Яромир понимал, что Велеслав прав. Вся охотничья наука, которой его учил отец, говорила о том же. Но он видел и другое – голодный блеск в

глазах Ратибора и Гостомысла. Одно неверное слово – и они расколются. "Вместе – вы сила", – прозвучали в голове слова Сидора.

– Хорошо, – сказал Яромир. – Идем прямо. Но тихо. Идем по двое. Я с Гостомыслом, ты – с Велеславом. Ступайте след в след. И ни звука.

Ратибор удовлетворенно хмыкнул и двинулся вперед, увлекая за собой недовольного Велеслава. Они шли по следу около часа. Лес был пуст и безмолвен. Ни птиц, ни белок – ничего. Только их собственное тяжелое дыхание и хруст веток, который, несмотря на все старания, то и дело раздавался под ногами.

Внезапно Ратибор замер и вскинул руку. Впереди, в небольшом овражке, заросшем молодым ивняком, мелькнуло что-то серо-бурое. Косуля! Она стояла к ним боком, ощипывая тонкие ветки, и не замечала их. Расстояние было шагов семьдесят, не меньше. Слишком далеко для копья или топора.

– Лук… – прошептал Ратибор, оборачиваясь к Велеславу.

Велеслав медленно, без единого лишнего движения, поднял лук. Он наложил стрелу, натянул тетиву. На мгновение все замерло. Но в этот самый момент Гостомысл, стоявший за спиной Яромира, не выдержал напряжения и шумно втянул носом воздух. Звук был тихим, но в звенящей тишине леса он прозвучал, как удар грома.

Голова косули мгновенно вскинулась. Одно мгновение она смотрела прямо на них своими огромными, черными, испуганными глазами. А в следующее – белая точка ее хвоста мелькнула между деревьями и исчезла.

Тишина.

Ратибор медленно опустил копье. Он обернулся. Его лицо было бледным от ярости.

– Ты… – прошипел он, глядя на Гостомысла. – Ты, жирный мешок с дерьмом!

Он шагнул к нему, но Яромир встал на его пути.

– Стой. Он не нарочно.

– Мне плевать! – заорал Ратибор. – Мы из-за него остались без мяса! Голодные! Ты понимаешь, безмозглый ты ублюдок?! – это он снова кричал Гостомыслу, который съежился и, казалось, вот-вот заплачет.

– Остынь, Ратибор. Все ошибаются, – твердо сказал Яромир.

– Ошибаются?! В деревне ошибаются, когда не ту девку за задницу ущипнут! А здесь ошибка – это смерть! Его ошибка – это наши пустые животы! Может, сожрем его, раз он такой бесполезный? Мяса в нем много!

Эта страшная, брошенная в ярости фраза заставила всех похолодеть. Гостомысл всхлипнул. Даже Велеслав, обычно спокойный, с тревогой посмотрел на Ратибора. В его глазах полыхало безумие голода.

– Хватит, – голос Яромира стал тихим и смертельно опасным. – Еще одно слово в его адрес, Ратибор, и наш разговор о поединке состоится прямо здесь. И мне будет плевать, кто из нас останется калекой.

Ратибор тяжело дышал, переводя взгляд с Яромира на Гостомысла. Наконец, он с силой вонзил копье в землю.

– Тьфу! – он сплюнул. – Да пошли вы все! Стая недоумков и слабаков!

Он развернулся и, не разбирая дороги, ломясь сквозь кусты, пошел обратно в сторону избы.

Остальные молча постояли еще немного. Подавленные, опустошенные. Охота кончилась.

Они вернулись в избу уже в сумерках. Ратибор сидел у погасшего очага, обхватив голову руками. Он ни на кого не смотрел. Атмосфера была такой тяжелой, что, казалось, ее можно резать ножом. Велеслав молча высыпал на стол принесенные с собой коренья и поставил котелок с водой.

– Вот и поели мясца, – глухо сказал Гостомысл, опустившись на лавку. В его голосе было столько отчаяния и самобичевания, что у Яромира сжалось сердце.

Яромир сел напротив него.

– Это не твоя вина, Гостомысл, – сказал он.

– Моя, – парень не поднимал головы. – Ратибор прав. Я – бесполезный. Я только все порчу…

– Ты не бесполезный, – вмешался Велеслав, который разводил огонь. – Ты просто еще не научился быть тихим. Этому не учат в деревне. Это приходит здесь. Через ошибки. Сегодня ошибся ты. Завтра ошибется он, – он кивнул в сторону Ратибора. – Или он, – взгляд на Яромира. – Или я. Лес не прощает ошибок, это правда. Но он дает шанс их исправить. Если ты останешься в живых.

Огонь занялся, и его теплый свет смягчил суровые, осунувшиеся лица.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Яромир.

– Я хочу сказать, что наша проблема – не в том, что Гостомысл шумно дышит, – Велеслав посмотрел на Ратибора. – А в том, что один из нас думает, что охота – это когда ты бежишь сломя голову с копьем наперевес. Охота, – он перевел взгляд на Яромира, – это терпение. Это знание. Это умение ждать часами, днями. Это умение стать частью леса. А мы сегодня были не охотниками. Мы были стадом баранов, которое распугало всю дичь в округе.

Он встал.

– Нам нужно не мясо. Нам нужен урок. И голод – наш первый и главный учитель. Он научит нас терпению. Он выбьет из нас всю дурь и спесь. И только когда мы станем пустыми, тихими и злыми, как настоящие волки, а не как бешеные псы, – он снова посмотрел на Ратибора, – только тогда лес даст нам пищу.

Он бросил коренья в закипевшую воду. В избе запахло землей и горькой травой. Запахом выживания.

– Ешьте, – сказал он. – И думайте. Завтра будет новый день. И новый урок.

Глава 8. Дар Лешему

Ночь была пыткой. Пустые, сведенные судорогой желудки не давали уснуть. Каждому снилось одно и то же: пиршественные столы, ломящиеся от жареного мяса, дымящегося хлеба, полных крынок с молоком. Они просыпались от собственного слюнотечения, с горечью осознавая, что это лишь морок, и реальность – это холодная, темная изба и ноющая пустота внутри. Утро не принесло облегчения. Оно принесло лишь серое, безразличное небо и еще более острое чувство голода, которое, казалось, выскребало нутро тупым ножом.

Велеслав снова приготовил свою горькую похлебку. На этот раз ее ели молча, без отвращения. Это была просто вода, дающая обманчивое чувство тепла и наполненности. Когда с едой было покончено, Ратибор встал и демонстративно начал готовить копье.

– Снова на охоту? – глухо спросил Яромир. – Рано. Зверя мы распугали. Нужно выждать.

– Ждать, пока мы начнем друг друга жрать? – огрызнулся Ратибор. – Нет, спасибо. Я лучше сдохну в погоне за кабаном, чем здесь, от твоей "разумной" медлительности. Кто со мной?

Гостомысл опустил голову, боясь даже посмотреть в его сторону. Ратибор презрительно хмыкнул и посмотрел на Яромира.

– Я пойду один. Но не сейчас, – вдруг сказал Велеслав. Его голос был тихим, но в нем была такая непреклонная сила, что даже Ратибор обернулся. – Сначала мы должны сделать одно дело.

Он встал, взял со стола маленький узелок, который никто раньше не замечал.

– Какое еще, к хренам, дело? – прорычал Ратибор. – Важнее, чем добыть жратву?

– Да. Важнее, – ответил Велеслав. – Мы пришли в этот дом, но не поприветствовали Хозяина. Мы пытаемся брать у леса, но ничего не дали взамен. Мы ведем себя не как гости, а как тати. Поэтому лес пуст для нас.

Он обвел всех своими темными, горящими глазами.

– Мы должны отнести дар. Лешему.

В избе повисла тишина. Ратибор посмотрел на Велеслава так, словно тот предложил им выпить яда.

– Ты… ты в своем уме, шептун? – прошипел он. – Дар? Мы сами скоро подохнем, у нас последняя щепотка соли осталась! Что мы ему по-твоему понесем? Собственные шкуры?

– Именно так, – не моргнув, ответил Велеслав. – Только не в том смысле, как ты думаешь. Мы понесем то, что ценно для нас. Часть себя. Свою надежду.

Он развернул узелок. На грубой ткани лежало несколько вещей: кремень и кресало, небольшой, но очень острый костяной нож, моток крепкой жильной нити с костяной иглой и последний, самый ценный предмет – маленький глиняный горшочек с солью.

– Ты сдурел?! – заорал Ратибор, делая шаг к столу. – Соль?! Да это же… это жизнь!

– Вот именно, – спокойно остановил его Яромир, положив руку на плечо. Взгляд его был прикован к предметам на столе. Он начинал понимать. – Это то, что помогает нам выжить. И это будет лучшим даром.

– Да вы оба спятили! – Ратибор отшатнулся, глядя на них, как на прокаженных. – Я не отдам! Этот старый хрыч, ваш Леший, пусть жрет шишки, если голоден! А соль нам самим нужна!

– Нужна, – согласился Велеслав. – Но еще нужнее нам его милость. Ты думаешь, наша неудача вчера – это случайность? Думаешь, Гостомысл просто так вздохнул? Нет. Лес не хотел давать нам ту косулю. Он нас прогонял. Вежливо. Предупреждал. Следующий раз может быть не таким вежливым.

– Чушь! Сказки для баб! – Ратибор не сдавался, но в голосе его уже не было прежней уверенности. Древний, впитанный с молоком матери страх перед неведомыми силами начинал проступать сквозь его напускную храбрость.

– Это не сказки, – голос Велеслава стал глубже, почти гипнотическим. – Ты видел когда-нибудь глаза волка, который не боится огня? А я видел. Ты слышал когда-нибудь, как лес молчит? Не тихо, а именно молчит. Так, что в ушах звенит, и кровь стынет. Это он слушает тебя. Оценивает. Решает, достоин ли ты ходить по его земле. Мы пришли сюда с шумом и гордыней. Теперь мы должны прийти с почтением и смирением. Иначе нам конец.

Гостомысл, до этого сидевший не дыша, вдруг поднял голову.

– Я… я пойду, – сказал он. – Я виноват. Я должен попросить прощения.

– Ты ни в чем не виноват, – твердо сказал Яромир. – Мы все виноваты. Пойдем все вместе.

Он посмотрел на Ратибора. Взгляд его был спокойным, но не допускающим возражений.

– Ты тоже, Ратибор. Как сказал Сидор, мы – стая. Либо мы делаем это вместе, либо все бессмысленно.

Ратибор еще мгновение боролся с собой. Его лицо исказила гримаса злобы и бессилия. Наконец, он с силой сплюнул в угол.

– Делайте, что хотите, – процедил он. – Но если мы отдадим соль, а жратвы так и не будет, я первый с тебя шкуру спущу, шептун.

Велеслав бережно завернул дары обратно в узелок.

– Идем. Я знаю место.

Он повел их не по звериной тропе, а напрямик, через самую густую чащу. Казалось, он ориентировался по каким-то своим, невидимым приметам. Они вышли на небольшую, идеально круглую поляну, посреди которой рос дуб. Это был не просто дуб. Это был пращур всех деревьев, патриарх леса. Такой толстый, что им четверым не удалось бы его обхватить. Его кора была похожа на морщинистую шкуру древнего ящера, а ветви, толстые, как стволы обычных деревьев, раскинулись над поляной, создавая живой, дышащий купол. У подножия дуба, в переплетении гигантских корней, чернел провал – то ли дупло, то ли вход в нору. От этого места веяло такой древней, могучей силой, что Гостомысл невольно попятился, а Ратибор перестал скалиться и с тревогой озирался по сторонам.

– Это он, – прошептал Велеслав. – Его трон.

Он подошел к корням, опустился на одно колено и развернул узелок.

– Не словами, – сказал он остальным. – Он слышит мысли. Он чувствует сердце. Просите не мяса. Просите милости. Просите, чтобы он позволил вам стать частью этого леса. Чтобы он принял вас.

Он бережно, один за другим, положил дары в темный провал у корней: кремень, нож, иглу с нитью. Последним он взял горшочек с солью. Он подержал его в руках, словно прощаясь. И этот жест был красноречивее любых слов. Отдать последнее. Самое ценное. В надежде. Не на выгоду, а на принятие.

Велеслав поставил горшочек в темноту дупла. Затем он низко, до самой земли, поклонился и, не оборачиваясь, медленно пошел назад.

Яромир последовал его примеру. Он опустился на колени, склонил голову. В его мыслях не было просьбы о еде. Он просил прощения. За их глупость, за их шум, за их страх. Он просил мудрости понять и силы принять законы этого места.

Гостомысл, дрожа, сделал то же самое. Последним, после мучительной паузы, подошел Ратибор. Неуклюже, с вызовом, он припал на одно колено. Ненадолго. Но он сделал это.

Они стояли на краю поляны и смотрели на дуб. Ничего не изменилось. Но что-то неуловимо качнулось в воздухе. Ветер, до этого неподвижный, вдруг дохнул им в лицо, принеся запах сырой земли и чего-то еще, пряного и свежего. Вдали, в чаще, коротко и хрипло тявкнула лиса.

– Он принял, – выдохнул Велеслав. – Он услышал.

Ратибор скептически хмыкнул, но промолчал.

– И что теперь? – спросил Гостомысл, с надеждой глядя на Велеслава. – Теперь охота будет удачной?

– Теперь, – ответил Велеслав, и в уголках его губ впервые мелькнула тень улыбки, – теперь мы можем попробовать стать охотниками. А уж удача… Удача любит вежливых. Пошли. Нам нужно снова учиться ходить тихо.

И они пошли обратно. Голод никуда не делся. Он все так же сводил животы. Но к нему примешалось что-то новое. Странное, иррациональное чувство надежды. И осознание, что выживание в этом лесу зависит не только от силы рук и остроты глаза, но и от чего-то большего. От умения склонить голову перед силой, которая была здесь задолго до появления первого человека.

Глава 9. Тихий наблюдатель

В этом лесу были глаза, которых не мог увидеть ни один смертный. Они смотрели из глубины цветка, из-под шляпки гриба, из переплетения ветвей. Это был взгляд самой природы, древней, вечной, женской в своей сути. И сейчас этот взгляд был прикован к поляне со старым дубом.

Мавка лежала на толстой, замшелой ветви огромной сосны, что росла на краю поляны. Ее тело, гибкое и тонкое, как ивовый прут, было почти невидимо на фоне коры. Длинные, цвета прошлогодней листвы волосы водопадом ниспадали вниз, сливаясь с лишайниками. Кожа ее была бледной, как береста, а глаза… ее глаза были цвета весеннего мха, глубокие и полные такой мудрости, какая и не снилась людям с их короткими жизнями. Она была душой этого леса. Его радостью, его капризами, его первобытной, дикой красотой.

Она видела, как пришли эти четверо. Люди. Шумные, пахнущие железом, дымом и страхом. Они всегда были одинаковыми. Приходили, ломали, кричали, пытались подчинить себе то, что было несоизмеримо больше них. Потом лес либо прогонял их, либо забирал себе, и они становились тихим перегноем, безымянными холмиками. Мавка наблюдала за ними с ленивым, отстраненным любопытством, как наблюдают за копошением муравьев.

Она видела их неудачную охоту, видела их голодную злобу. Это было привычно и скучно. Люди были предсказуемы.

Но сегодня что-то изменилось. Они пришли к Нему. К Старику, к Сердцу Леса. Они принесли дары. Не жалкую краюху хлеба, а что-то важное. Она почувствовала это по тому, как изменился воздух вокруг них, как сгустилась их решимость и отчаяние. Она видела, как они склоняли колени. Даже тот, шумный, чье сердце было полно колючек, как у ежа. Это было необычно. Это пробудило ее интерес.

Она скользила взглядом от одного к другому. Мелкий, который всего боялся. Худой, который пытался говорить с лесом, – смешной, ведь он слышал лишь эхо собственных мыслей, а не истинный голос. Шумный, полный ярости, – этот был прост, как поваленное дерево. Но четвертый…

Она замерла, когда ее взгляд остановился на нем. На высоком, с широкими плечами и спокойным лицом. Он стоял чуть поодаль, но в нем не было ни страха, ни заносчивости. Была тяжелая, глубинная сила. Как у молодого дуба, который еще не набрал мощи, но уже крепко вцепился корнями в землю. В его серых глазах, цвета утреннего тумана, не было ни жадности, ни злобы. Там была… мысль. И печаль.

Она видела, как он опустился на колени. Он не просто исполнял обряд. В этот момент его душа обнажилась. Мавка, как и все лесные духи, видела не тела, а суть. И она увидела его суть. Она была чистой. Сильной. Несломленной, но покрытой трещинами сомнений и ответственности за других. И в этой сути было что-то, что отозвалось в ней странным, незнакомым теплом.

Это чувство было похоже на то, что она испытывала ранней весной, когда первый, еще робкий солнечный луч пробивался сквозь тающий снег. Это было предчувствие жизни, пробуждение чего-то нового. Сотни лет она играла с заблудившимися путниками, заводила их в чащу своим смехом, путала тропинки. Люди были для нее игрушками, забавными, но хрупкими. Ни один из них никогда не вызывал в ней этого… отклика.

Его звали Яромир. Имя само возникло в ее сознании, сорвавшись с потоков ветра, который слышал все. Яро-мир. Яростный мир. Или Яркий мир? И то, и другое было в нем. Ярость, спрятанная под толстым слоем спокойствия, и свет, который он, кажется, и сам в себе не замечал.

Она наблюдала, как они уходят. Трое шли, опустив головы, погруженные в свои мысли. А он, Яромир, уходя последним, вдруг остановился. Он не обернулся к дубу. Он поднял голову и посмотрел прямо на сосну, где она лежала. Их взгляды не встретились – он не мог ее видеть. Но на одно мгновение Мавке показалось, что он почувствовал. Почувствовал ее взгляд. У нее перехватило дыхание, как бывает, когда ныряешь в ледяной омут. Она плотнее вжалась в кору дерева, и ее сердце, которое билось медленно, как смена времен года, вдруг застучало часто-часто, как у пойманной в силки пташки.

Он постоял так несколько секунд, вглядываясь в переплетение ветвей, затем качнул головой, словно отгоняя наваждение, и пошел догонять остальных.

Мавка осталась одна. Странное тепло в груди не проходило. Оно растекалось по телу, как сладкий березовый сок. Любопытство перерастало в нечто иное. Ей захотелось подойти ближе. Услышать его голос не издалека, а рядом. Увидеть, как меняется выражение его глаз, когда он думает. Понять, что за печаль живет в его душе.

Она соскользнула с ветки, легко, как падающий лист. Не коснувшись земли, она превратилась в легкое облачко тумана и поплыла за ними, прячась за стволами деревьев. Она больше не была отстраненным наблюдателем. Она стала тенью одного из них.

В лесу изменился порядок вещей. В вечную, неизменную жизнь лесного духа вошло нечто новое, непредсказуемое и волнующее. Человек.

Вернувшись в избу, парни развели огонь. Тишина больше не была гнетущей. Она была… выжидающей.

– И что? – нарушил ее Ратибор, не выдержав. Он обращался к Велеславу. – Поклонились твоему пню. Дальше что? Ждем, пока нам жареный кабан в дверь постучится?

– Дальше, – ответил Велеслав, – мы делаем то, что должны. Проверяем силки, которые я поставил вчера. Ищем новые следы. Но делаем это по-другому. Тихо. И с уважением.

– Я пойду, – сказал Яромир. Он чувствовал странный прилив сил, необъяснимую уверенность.

– Я с тобой, – тут же отозвался Велеслав.

– Я тоже! – вскочил Гостомысл, боясь остаться с Ратибором.

Ратибор лишь махнул рукой.

– Идите. Принесите хоть мышь. Посмотрим на милость вашего Хозяина.

Когда они вышли, Яромир снова ощутил это чувство. Чувство, что за ними наблюдают. Но теперь в этом не было угрозы. Было лишь… внимание. Он оглянулся, но увидел лишь стволы деревьев и серый мох. Он не знал, что в этот самый момент из-за одного из этих стволов за ним следят два огромных, любопытных глаза цвета весенней зелени. И что его жизнь, как и жизни его товарищей, уже никогда не будет прежней. Тихий наблюдатель сделал свой выбор. И ее выбор мог стать для них как спасением, так и погибелью.

Глава 10. Охотничья удача

Они шли по лесу уже другими. Без лишних разговоров, без шума. Яромир ступал тяжело, но внимательно, глядя не только под ноги, но и по сторонам. Гостомысл, наученный горьким опытом, дышал через раз, стараясь не издавать ни звука, и его округлое лицо было полно собачьей преданности и сосредоточенности. Но вел их Велеслав. Он двигался как призрак, как часть этого леса, его ноги в мягких кожаных поршнях, казалось, не мяли мох, а парили над ним. Он читал лес, как открытую книгу.

– Вот здесь, вчера, прошел сохатый, – шепотом говорил он, указывая на едва заметный след, на примятую траву. – Старый. Ушел на север, к болотам. Нам за ним не угнаться.

– А здесь кормилась белка, – он поднимал с земли обгрызенную шишку. – Значит, где-то рядом дупло. Будет совсем туго, придется ее из дома выкуривать. Но лесной народ этого не любит. Лучше не злить по пустякам.

Эта прогулка была не охотой. Это был урок. Велеслав учил их видеть то, что скрыто. Слышать то, что безмолвно. Понимать язык, на котором не говорят, а живут. Яромир впитывал все, как сухая земля впитывает воду. Гостомыслу было сложнее, но он старался изо всех сил.

Они подошли к месту, где Велеслав накануне вечером поставил несколько силков из жильной нити. Первая петля была пуста. Вторая тоже. Третья была сорвана – какой-то мелкий зверек вырвался. На дне души Яромира начал шевелиться холодный червячок сомнения. А что, если Ратибор прав? Что, если все это было напрасно?

– Не торопись отчаиваться, – будто прочитав его мысли, сказал Велеслав. – Лес не лавка, где товар лежит на полках. Он дает, когда считает нужным.

Они подошли к четвертому силку, спрятанному в густых зарослях можжевельника. Петля была затянута. И в ней бился, отчаянно дергаясь, крупный, серый заяц-беляк.

На мгновение все трое замерли. Они смотрели на этого зайца не как на еду. Они смотрели на него, как на чудо. Как на ответ. Первый зримый, ощутимый ответ леса на их мольбу. Это была не просто добыча. Это был дар.

– Он… – выдохнул Гостомысл, и в его голосе было столько благоговения, что он, казалось, сейчас упадет на колени.

– Тихо, – остановил его Велеслав. Он медленно, без резких движений, подошел к силку. Заяц забился сильнее, его черные, полные ужаса глаза-бусины смотрели на них.

Велеслав не стал мучить его. Он быстро, одним точным движением, сломал зверьку шею. Тельце обмякло. Все было кончено.

– Надо поблагодарить, – сказал Велеслав. Он вынул из-за пояса нож, сделал на стволе можжевельника небольшую зарубку-символ и капнул на нее несколько капель заячьей крови. – За то, что отдал свою жизнь, чтобы мы могли жить. Дух его теперь свободен.

Обратно они шли молча. Тяжелое, еще теплое тело зайца в руках Яромира было самым весомым аргументом, самым дорогим сокровищем в мире. Когда они вошли в избу, Ратибор, сидевший у огня, поднял голову. Увидев добычу, он невольно дернулся вперед, и в его глазах вспыхнул голодный, жадный огонь.

– Ну, надо же… – процедил он. – Повезло вам, шептуны.

– Это не везение, – тихо сказал Велеслав, кладя зайца на стол. – Это милость.

Эта маленькая победа изменила все. Атмосфера в избе перестала быть ядовитой. Напряжение спало, сменившись возбужденным, почти лихорадочным ожиданием. Свежевать и разделывать тушку взялся Яромир. Отец с детства учил его этому. Его движения были точными,

выверенными, полными уважения к мертвому зверю. Он аккуратно снял шкурку – она пойдет на рукавицы или воротник. Разделил мясо, отложил потроха. Каждый кусочек был бесценен.

Готовили все вместе. Гостомысл поддерживал ровный жар в очаге. Велеслав добавил в котел кореньев, чтобы бульон был наваристее. Даже Ратибор, отбросив на время свою спесь, наточил нож и мелко порезал мясо. В избе смешались запахи: свежей крови, горьких трав, дыма и самый главный, самый сводящий с ума – запах готовящегося мяса. Он заполнял собой все пространство, проникал в легкие, дурманил, заставлял желудок болезненно сжиматься в предвкушении.

Когда похлебка была готова, ее разлили по деревянным мискам. Это был пир. После нескольких дней голодной диеты куски вареного, нежного мяса казались пищей богов. Они ели медленно, не как изголодавшиеся звери, а как люди, совершающие священный ритуал. Каждый кусочек, каждый глоток горячего, наваристого бульона был актом благодарения. Никто не проронил ни слова. Было слышно лишь, как они жуют, и как трещит огонь в очаге.

Яромир смотрел на товарищей. Гостомысл ел, и по его щекам текли слезы – то ли от горячего бульона, то ли от переполнявших его чувств. Велеслав ел спокойно, сосредоточенно, словно медитируя. Даже Ратибор… на его лице не было привычной злобы. Он был полностью поглощен едой, и в его глазах на мгновение проступило что-то детское, почти беззащитное. В этот момент они не были соперниками. Они были стаей, делящей первую, общую добычу.

Когда с едой было покончено и на дне мисок не осталось ни капли, Гостомысл издал глубокий, счастливый вздох.

– Как же… хорошо…

– Хорошо, – согласился Яромир. Тепло разливалось по телу, возвращая силы, проясняя мысли. Он чувствовал, как жизнь возвращается в него.

– Думаете, это ваш Леший вам зайца подкинул? – спросил Ратибор, вытирая жирные губы тыльной стороной ладони. В голосе его уже прорезался привычный сарказм, но без прежней злобы.

– Может, он. Может, просто повезло, – ответил Велеслав. – А может, когда ты начинаешь относиться к лесу с уважением, ты просто начинаешь лучше видеть. И замечаешь то, мимо чего раньше проходил. Какая разница, как это называть? Главное, что мы сыты.

– Но… этого мало, – сказал Яромир. – Заяц – это на один день. Завтра мы снова будем голодными. Это не победа. Это лишь отсрочка.

– Правильно, – кивнул Велеслав. – Это не победа. Это знак. Знак того, что мы на верном пути. Лес принял наш дар. Он показал, что готов говорить с нами. Но он не будет кормить нас каждый день. Он будет давать ровно столько, чтобы мы не умерли с голоду и научились ценить каждый кусок.

Он посмотрел на Ратибора.

– И знаешь, что еще? Этот заяц, возможно, спас не только наши желудки. Он, может, спас нас от того, чтобы мы не перегрызли друг другу глотки.

Ратибор хмыкнул, но ничего не ответил. Он встал, подошел к шкурке, распяленной для просушки. Долго смотрел на нее, а потом сказал, ни к кому не обращаясь:

– Мех хороший. Зима близко. Пригодится.

Это была его форма признания. Его способ сказать "спасибо", не унижая своей гордости.

Этой ночью они впервые спали крепким, глубоким сном сытых людей. Лес за стенами все так же выл и ухал, но теперь это не пугало. Это был голос их нового, сурового, но справедливого дома. И они знали, что если будут достойны, этот дом их не оставит. Маленькая охотничья удача стала их первой настоящей победой. Не над лесом, а над самими собой.

Глава 11. Разговор у огня

Тепло, сытость и крепкий сон сделали то, чего не могли сделать ни приказы, ни угрозы – они примирили. На следующее утро парни проснулись другими. Голодный туман в головах рассеялся, и мир снова обрел краски. Даже вечный серый свет, пробивавшийся сквозь окна, казался не таким унылым. Они не стали врагами – пропасть между их характерами была слишком велика. Но острота вражды притупилась. Остатки вчерашней похлебки, разогретые на огне, были вкуснее любого утреннего яства, которое им доводилось пробовать в прошлой жизни.

Вечер, после долгого дня, посвященного укреплению избы и сбору дров, застал их у огня. Дрова весело потрескивали в очаге, отбрасывая на бревенчатые стены причудливые, пляшущие тени. Они сидели вокруг очага – не за столом, а на полу, на брошенных шкурах, ближе к живому теплу. Молчание не было гнетущим, как раньше. Оно было уютным. Каждый думал о своем, но чувствовали они одно и то же – хрупкое, почти невесомое ощущение покоя.

– Интересно, что там сейчас, дома, делают? – вдруг сказал Гостомысл, глядя в огонь. Его голос был тихим, полным ностальгии. – У нас, поди, уже всю картошку выкопали. Вечерами батя лапти плетет, а мать – прядет. Пес наш, Буран, наверное, лежит у печи и ждет, когда ему кусок кинут…

Он замолчал, и в тишине это простое, безыскусное описание мирной жизни прозвучало, как песнь о потерянном рае.

– Хватит, – глухо сказал Ратибор. Он лежал на боку, подперев голову кулаком, и его лицо в свете огня было непривычно серьезным. – Чем больше думаешь о том, что оставил, тем тяжелее здесь. Сидор прав был. Отрезать надо. Как больную руку, в которой гангрена.

– А если не получается отрезать? – Гостомысл посмотрел на него своими наивными глазами. – Если оно… болит? Я каждую ночь маму вижу во сне. Она зовет меня…

– Значит, ты слабый, – отрезал Ратибор. Но без привычной злобы, а с какой-то усталой констатацией. – И ты здесь долго не протянешь. Лес сожрет тебя твоими же воспоминаниями.

– Никто не может это отрезать, Ратибор, – вмешался Яромир. Он чистил ножом толстый ивовый прут, готовя основу для новой ловушки. – Даже ты. Ты можешь это спрятать. Закопать поглубже. Прикрыть злостью, бравадой. Но оно все равно там. Внутри. И ноет по ночам, когда никто не видит. Или ты скажешь, что не вспоминаешь ничего?

Ратибор долго молчал, глядя в огонь.

– Я вспоминаю, – сказал он наконец, и его голос был непривычно тихим и глухим. – Я вспоминаю, как меня отец учил на кулаках драться. Он говорил: "Бей первым, Ратибор. Всегда бей первым. Потому что если не ты, то тебя. В этом мире либо ты хищник, либо ты добыча. Третьего не дано". Он всегда хотел, чтобы я был самым сильным. Чтобы меня все боялись…

Он криво усмехнулся.

– Кажется, у него получилось. Меня и впрямь никто не любит. Зато боятся. А здесь… – он обвел взглядом избу, – здесь мой страх никому не нужен. Ни зверю, ни… вам. Здесь нужно что-то другое. А этого другого у меня, может, и нет. Отец не научил.

Этот короткий, горький монолог открыл Ратибора с совершенно неожиданной стороны. Это был не просто задира. Это был парень, которого с детства учили выживать в человеческой стае, где законы порой были похлеще, чем в лесу.

– А чего ты боишься, Яромир? – вдруг спросил Гостомысл, переводя разговор.

Яромир перестал строгать палку. Он задумался.

– Я? – он посмотрел на свои руки, сильные, мозолистые. – Я боюсь не справиться. Не оправдать.

– Не оправдать чего? – не понял Гостомысл.

– Всего. Надежд матери. Веры отца, который учил меня всему, что знал. Я боюсь, что Сидор был прав, и мы окажемся слабаками. Но больше всего… – он помедлил. – Больше всего я боюсь подвести вас.

Он поднял на них свои серые, серьезные глаза.

– Я знаю, что я не вожак. Не по праву силы, как Ратибор. Не по праву знания, как Велеслав. Но так вышло, что вы… слушаете меня. Иногда. И я боюсь принять неверное решение. Решение, которое будет стоить кому-то из вас жизни. Как с той косулей. Я знал, что Велеслав прав, что нужно обойти. Но я видел ваш голод, я чувствовал злость Ратибора, и я уступил. Мы потеряли добычу. А могли потерять и кого-то из нас, нарвись мы не на косулю, а на кабана-секача. Вот этого я боюсь. Страх ошибки. Ответственность – страшная штука. Она тяжелее любого топора.

Все молчали, переваривая услышанное. Каждый из них открыл часть своей души, и теперь они были связаны не только общим испытанием, но и общими страхами. Они перестали быть просто соседями, поневоле оказавшимися в одной избе. Они начали становиться братьями по несчастью.

– А ты, Велеслав? – Яромир посмотрел на молчавшего до этого товарища. – Ты-то чего боишься? Кажется, ты единственный из нас, кто здесь, как дома.

Велеслав, который, казалось, дремал, открыл глаза. В них, как всегда, плескалась ночная тьма, но сейчас в этой тьме мерцал огонек.

– Дома? – он криво усмехнулся. – Никто не может быть в этом лесу дома. Мы всегда гости. И в любой момент Хозяин может попросить нас на выход.

Он подвинулся ближе к огню.

– Я не боюсь голода. Тело можно научить обходиться малым. Я не боюсь холода. Огонь и шкуры согреют. Я не боюсь зверей. Зверь убивает, чтобы жить, в этом нет злобы. Он честен.

– Чего же ты боишься?

Велеслав наклонил голову и прислушался к чему-то за стеной.

– Я боюсь того, что вы называете нечистью. Того, что живет в тени, на границе миров. Вы боитесь их, потому что не знаете. А я боюсь, потому что знаю. Я видел глаза болотника. В них нет ничего. Ни злобы, ни радости. Просто пустота, которая хочет тебя поглотить. Я слышал песню русалки. Она прекрасна. Настолько, что хочется утонуть, лишь бы слушать ее вечно. Она не желает тебе зла. Она просто поет о смерти, потому что ничего другого не знает.

Он понизил голос до шепота, и всем стало не по себе.

– Самое страшное в них – это не клыки и не когти. Их нет. Самое страшное – то, что они нелюди. Они не понимают ни жалости, ни пощады, ни любви, ни ненависти. У них нет души,

как у нас. Они – просто сила. Как река, которая топит. Как мороз, который убивает. Слепая, безразличная сила. И я боюсь однажды встретиться с этой силой и понять, что у меня не хватит знаний или воли, чтобы защитить… себя. И вас.

Он замолчал. В очаге громко треснула и рассыпалась искрами головешка. После его слов лес за стенами перестал быть просто лесом, полным зверей. Он снова стал тем, чем был в первую ночь – живым, загадочным и смертельно опасным миром, полным незримых сущностей.

– Значит, мы все боимся, – подвел итог Яромир. – Только разного. Ратибор боится быть слабым. Гостомыл – оторваться от дома. Я – ошибиться. А Велеслав – того, чего мы даже не видим.

Он оглядел всех.

– Может, в этом и есть смысл? Сидор сказал, что лес покажет каждому, что у него внутри. Вот он и показывает. Он тычет нас носом в наши самые большие страхи. И, наверное, стать мужчиной – это не шкуру медведя притащить. А посмотреть своему страху в глаза… и не отвернуться.

Огонь догорал. Они еще долго сидели в тишине, каждый думая о своем. Но теперь они думали не только о себе. Они думали друг о друге. Потому что страх, разделенный на четверых, становился не таким уж и всепоглощающим. В ту ночь они впервые почувствовали себя стаей. Искренне. Без принуждения. Маленькой, напуганной стаей посреди огромного, темного леса. Но все-таки – стаей.

Глава 12. Шёпот воды

Сытость была недолгой. Заяц, каким бы желанным он ни был, кончился быстро. Снова начались полуголодные дни, когда желудок наполняла лишь горькая похлебка Велеслава. Но что-то изменилось. Голод больше не вызывал панической злобы. Он стал привычным фоном, тяжелой, но терпимой ношей. Уроки Велеслава и удача с зайцем дали им главное – надежду и методику. Каждый день они уходили в лес. Не на охоту, а на учебу. Ставили силки, изучали следы, запоминали, где растут съедобные коренья, где птицы вьют гнезда. Ратибор все так же ворчал, но теперь и он приносил пользу – его зоркий, хищный глаз замечал то, что другие пропускали.

В один из таких дней, в поисках новых охотничьих угодий, они забрели дальше, чем обычно. Лес вдруг расступился, и они вышли на берег небольшого, идеально круглого озера. Это место было завораживающе красивым и в то же время пугающим. Вода в озере была черной, как деготь, и абсолютно неподвижной, словно застывшее стекло. Ни ряби, ни всплеска рыбы. Вокруг озера росли старые, плакучие ивы, их ветви спускались до самой воды, образуя густой зеленый шатер. В воздухе стояла густая, сонная тишина, пахло тиной, влажной землей и сладким, дурманящим ароматом белых водяных лилий, что плавали у берега.

– Странное место, – сказал Яромир, с тревогой оглядываясь. – Тихое… слишком.

– Вода мертвая, – прошептал Велеслав. Его ноздри трепетали, он словно внюхивался в воздух. – Не пьет, не течет. Запертая. Такие места лучше обходить стороной. Здесь не наш дом.

– Да брось ты, шептун! – Ратибор, уставший от долгого перехода, с наслаждением скинул свой тулуп. – Красота-то какая! И тихо. Никакой зверь не подкрадется. Отдохнем. Воды попьем.

– Не пей, – резко сказал Велеслав, хватая его за руку, когда тот уже наклонился к воде. – Нельзя.

– Почему это еще? Боишься, твой Водяной меня за задницу укусит?

Не успел Велеслав ответить, как с середины озера донесся звук. Тихий, мелодичный. Похожий на звон серебряного колокольчика. А потом… они услышали смех. Не человеческий, а переливчатый, журчащий, как ручей. И этот смех, казалось, проникал прямо в душу, смывая усталость, голод и тревогу, обещая неземное блаженство.

Гостомысл замер, его простодушное лицо выражало глупое, восторженное изумление. Ратибор ухмыльнулся, его глаза загорелись нехорошим, сальным огоньком. Даже Яромир почувствовал, как напряжение в теле спадает, сменяясь приятной, сладкой истомой. Только Велеслав побледнел как полотно.

– Русалки, – выдохнул он. – Уходим. Немедленно.

Но было уже поздно. Из черной воды, прямо посреди озера, начали подниматься фигуры. Сначала показались головы, с длинными, мокрыми, зелеными волосами, похожими на водоросли. Затем – плечи и высокая, нагая грудь, белая, как кувшинки. Их было трое. Лица у них были нечеловечески прекрасны: огромные, темные глаза без зрачков, тонкие губы, изгибающиеся в манящей улыбке, и кожа, что светилась изнутри мягким, жемчужным светом. Они не плыли. Они стояли на воде, и капли, стекая по их телам, казались россыпью бриллиантов.

И они запели.

Их голоса не были громкими, но они заполнили собой все. В этой песне не было слов, лишь мелодия. Но каждый из них слышал в ней то, о чем мечтал больше всего.

Гостомысл слышал голос матери. Она звала его домой, обещала горячие пироги, теплую постель и конец всем мучениям. На его лице появилась блаженная улыбка, и он, как лунатик, сделал шаг к воде.

– Мама… я иду…

Ратибор слышал другое. Он слышал смех самых красивых девок из их деревни, которые шептали его имя, называли его самым сильным, самым смелым, самым желанным. Они звали его к себе, обещая такую ночь любви, о которой он и не мечтал. Он облизнулся, его взгляд затуманился похотью.

– Иду, красавицы… иду… – пробормотал он и тоже шагнул к берегу.

Яромир слышал песнь славы. Он видел себя вернувшимся в деревню героем. Отец с гордостью хлопал его по плечу, старики уважительно кивали, а его сестра, Милава, смеялась от счастья. Все тревоги кончились. Он справился. Он победил. И это чувство было таким сладким, таким всепоглощающим, что хотелось раствориться в нем, забыть обо всем. Его ноги сами понесли его к черной воде, к обещанному покою и триумфу.

– Стойте! – Голос Велеслава прозвучал резко, как удар ножа. Он не поддался чарам. Его лицо было искажено мукой, он зажимал себе уши, но продолжал стоять. – Это морок! Обман! Не смотрите на них! Обернитесь!

Но его никто не слушал. Трое парней, как завороженные, шли к воде, где их ждали прекрасные, улыбающиеся девы.

Тогда Велеслав закричал. Это был не человеческий крик, а яростный, гортанный рык раненого зверя, полный боли и первобытной силы. Он выхватил нож и, не раздумывая, полоснул себя по руке. Глубоко. Брызнула горячая, алая кровь. Острая боль, как ушат ледяной воды, на мгновение вырвала его из плена чарующей песни.

– Яромир! – заорал он. – Боль! Вспомни боль!

Яромир был уже у самой кромки воды. Ноги его уже коснулись холодной, вязкой тины. Но крик Велеслава и это слово – "боль" – пробились сквозь туман в его сознании. Он остановился. Какая боль? Зачем? И тут он вспомнил. Он вспомнил, как вонзились в его плечо клыки волчонка, когда он отбивал его от разъяренного пса в детстве. Вспомнил, как ошпарил руку кипятком, помогая матери. Вспомнил острую, режущую боль от занозы под ногтем. Он заставил себя вспомнить, почувствовать эту боль заново.

И морок дрогнул.

Чарующая музыка превратилась в неприятный, режущий уши визг. Прекрасные девы на мгновение исказились, и он увидел их настоящие лица – с пустыми глазницами, раздувшиеся, синеватые, как у утопленниц. Зов славы обернулся холодной пустотой.

– Назад! – заорал он, приходя в себя. Он схватил Гостомысла, который уже зашел в воду по колено, и с силой рванул его обратно на берег. Тот упал, замотал головой, словно просыпаясь.

– Что… где я?..

Яромир обернулся. Ратибор был уже по пояс в воде. Русалки окружали его, их длинные зеленые волосы уже касались его плеч. Он тянул к ним руки с глупой, счастливой улыбкой.

– Ратибор!

Ратибор не слышал. Он был полностью во власти чар. Яромир понял, что не успеет.

И тогда Велеслав, зажимая кровоточащую рану, поднял с земли увесистый камень и со всего размаху швырнул его в воду рядом с Ратибором.

Камень с оглушительным всплеском рухнул в черную гладь. Тишина взорвалась. Чары развеялись окончательно.

Песня оборвалась визгом, полным нечеловеческой злобы. Ратибор вздрогнул, дико озираясь. Блаженная улыбка на его лице сменилась гримасой ужаса. Прекрасные девы, что мгновение назад манили его, теперь оказались чудовищами с длинными, когтистыми руками. Они вцепились в его одежду, пытаясь утащить на дно.

– Помогите! – взвыл он, барахтаясь и отбиваясь.

Яромир, не раздумывая, схватил его копье и, упершись ногами в берег, протянул ему.

– Хватайся!

Ратибор вцепился в древко мертвой хваткой. Яромир и очнувшийся Гостомысл налегли изо всех сил. Они тянули. Русалки тянули. На мгновение показалось, что Ратибора разорвут пополам. Но человеческая ярость и страх смерти оказались сильнее. С треском рваной ткани они выдернули Ратибора из воды. Он выполз на берег, весь в тине и водорослях, трясущийся, кашляющий. Из озера донесся полный ненависти вой, и фигуры растаяли в черной воде, словно их и не было.

Они лежали на берегу, тяжело дыша. Измотанные, перепуганные до смерти. Велеслав, шатаясь, подошел и рухнул рядом. Кровь из его руки все еще текла.

– Ты… ты спас нас, – выдохнул Ратибор, глядя на Велеслава с несвойственным ему выражением – смесью ужаса и благодарности. – Зачем… порезал себя?

– Боль, – сказал Велеслав, морщась. – Настоящая боль отрезвляет. Она сильнее любого морока. У них… у них нет своей боли. Поэтому они ее боятся.

Яромир перевязал его руку полоской ткани, оторванной от своей рубахи.

– Спасибо, Велеслав, – сказал он, и в его голосе было глубокое, искреннее уважение. – Ты спас нас всех.

– Я спас вас от сладкой смерти, – прошептал Велеслав. – Но они запомнили нас. Теперь это озеро для нас закрыто навсегда. И лучше нам уйти отсюда. Их злопамятность длиннее их волос.

Они, поддерживая друг друга, поднялись и побрели прочь от этого проклятого места. Они уносили с собой не добычу, а горький урок. Урок о том, что самые страшные опасности в этом лесу не рычат и не показывают клыков. Они поют. Они манят. Они обещают исполнение самых сокровенных желаний. И цена за это блаженство – твоя душа. И твоя жизнь.

Глава 13. Следы на мху

Возвращение к избе было похоже на бегство. Они не бежали, но шли быстро, почти не разбирая дороги, подгоняемые липким, холодным ужасом. Образы прекрасных и одновременно чудовищных лиц, бездонных черных глаз и манящих улыбок стояли перед глазами. Даже Ратибор, обычно самый шумный и задиристый, шел молча, постоянно оглядываясь, словно боясь, что из-за ближайшей ивы протянутся бледные когтистые руки. На его шее и руках остались глубокие, кровоточащие царапины, которые горели огнем. Молчаливым напоминанием о том, насколько близко он был к гибели.

Молчание было нарушено лишь раз.

– Откуда ты знал, что делать? – спросил Ратибор, обращаясь к Велеславу. Вопрос был задан без привычной насмешки, почти с робким уважением.

Велеслав, который шел, поддерживаемый Яромиром, слабо качнул головой.

– Бабка рассказывала. Она… она была из *тех*. Которые лес видят. Она говорила: "Все, что приходит из воды или из тумана, боится трех вещей: огня, железа и правды. Огня и железа у нас не было. Оставалась правда".

– Какая правда? – не понял Гостомысл.

– Правда тела, – тихо ответил Велеслав. – Кровь, боль. Для них это – чуждое, грубое, *настоящее*. Их мир соткан из иллюзий, из отражений, из наших желаний. А боль – это то, чего нельзя выдумать. Она – якорь, который держит нас в этом мире.

В избу они буквально ввалились. Усталые, напуганные, опустошенные. Ратибор рухнул на лавку, уставившись в одну точку. Гостомысл сразу забился в самый темный угол, подальше от двери, и обхватил колени руками. Велеслав, обессиленный от потери крови, лег на лежанку, и его лицо стало белым как бумага. Яромир промыл его рану оставшейся в бочке водой, наложил на нее листья подорожника, которые всегда были у Велеслава в запасе, и туго перевязал.

Ночь прошла беспокойно. Каждому снилось озеро. Кому-то – прекрасные девы, кому-то – синие лица утопленниц. Они просыпались от собственного крика, и в темноте избы слышалось тяжелое, прерывистое дыхание товарищей, терзаемых теми же кошмарами.

Лишь под утро, когда забрезжил серый рассвет, все стихло. Яромир почти не спал. Он сидел у огня, поддерживая его, и думал. Встреча с русалками изменила их. Не только напугала. Она показала им их слабости во всей неприглядности. Гостомысла едва не погубила тоска по дому. Ратибора – похоть. Его самого – тщеславие. Лес не просто проверял их на прочность. Он препарировал их души, выставляя напоказ самых потаенных демонов.

Когда совсем рассвело, Яромир понял, что они не могут сидеть в избе. Бездействие, подогреваемое страхом, было бы для них губительнее любого монстра. Нужно было что-то делать. Отвлечься. Вернуться в реальный, материальный мир.

– Велеслав, ты как? – тихо спросил он.

Велеслав открыл глаза. Они были запавшими, но ясными.

– Жить буду, – хрипло ответил он. – Рука – не нога. Но на охоту сегодня я не ходок.

– Охота отменяется, – сказал Яромир. – Пока не оправишься. Но сидеть сложа руки тоже нельзя. Я пройдусь, проверю наши старые силки. Гостомыл, – он повернулся к парню, который так и не вышел из своего угла. – Ты останешься с Велеславом. Поддерживай огонь, свари похлебку из кореньев. И будь начеку.

– Я… я боюсь, – прошептал Гостомысл.

– Все боятся, – твердо ответил Яромир. – Но страх не должен делать нас беспомощными. Это то, чего они и хотят. Чтобы мы забились в эту нору и сгнили здесь от ужаса. Мы не дадим им такого удовольствия. Ты справишься.

Ратибор, до этого сидевший молчаливой статуей, вдруг поднял голову. На его лице была смесь стыда и какой-то новой, несвойственной ему решимости.

– Я пойду с тобой, – глухо сказал он.

Яромир удивленно посмотрел на него. Он ожидал чего угодно – злобы, упреков, нытья, – но не этого.

– Ты уверен?

– Уверен, – Ратибор встал, взял топор. – Я… я им должен. За вчерашнее. Хоть чем-то полезен буду.

В его словах не было бравады. Была лишь горькая необходимость доказать – в первую очередь самому себе – что он не просто похотливый дурак, едва не утонувший из-за смазливой морды.

Яромир кивнул.

– Хорошо. Идем.

Они вышли из избы. Утренний лес, свежий, промытый росой, казался спокойным и мирным. Вчерашний кошмар уже представлялся дурным сном. Но теперь они знали, что за этим спокойствием таится.

– Идем не к старым силкам, – сказал вдруг Яромир, меняя направление. – Велеслав говорил, что сохатый ушел на север, к болотам. Пройдемся в ту сторону. Посмотрим, что там за угодья. Без оружия, просто на разведку.

Ратибор молча согласился. Ему было все равно, куда идти, лишь бы не сидеть на месте. Они шли долго, почти не разговаривая. Напряжение вчерашнего дня не располагало к беседам. Яромир шел впереди, внимательно изучая землю. После встречи с русалками его чувства обострились. Он начал замечать то, на что раньше не обращал внимания: как ветер колышет паутину, натянутую между ветвями; как муравьи тащат сосновую иголку; как меняется запах воздуха, когда приближаешься к сырой низине.

Внезапно он остановился так резко, что Ратибор, шедший следом, едва в него не врезался.

– Что там? – прошептал Ратибор.

Яромир ничего не ответил. Он медленно опустился на одно колено, глядя на мягкий, зеленый мох.

– Смотри, – выдохнул он.

На мху был след. Огромный, глубоко впечатанный. Он был похож на отпечаток гигантской, раздвоенной собачьей лапы, но размером с большую человеческую ладонь. Когти на нем были длинные и толстые, как ножи. След был не один. Их была целая цепочка, уходившая вглубь леса, в сторону болот. И они были свежими. Настолько, что из-под вывороченного мха еще сочилась темная, торфяная вода.

Ратибор присел рядом. Его лицо потеряло последние краски. Все его хвастовство о добытой медвежьей шкуре мгновенно испарилось. Это был не медведь. Медвежьи следы он знал с детства. Это было что-то другое. Что-то огромное. Тяжелое.

– Кто… это? – голос Ратибора был едва слышен.

– Не знаю, – ответил Яромир. Он аккуратно коснулся пальцами края отпечатка. Мох был холодным и влажным. – Но оно большое. Очень большое. И тяжелое, раз так продавило.

Они посмотрели друг на друга. Вчера они столкнулись с неведомой, потусторонней силой, которая играла с их разумом. Сегодня они увидели доказательство существования силы абсолютно реальной, физической, способной разорвать их на куски. И было неизвестно, что страшнее.

– Велеслав был прав… – пробормотал Ратибор. – Сохатый… Он ушел к болотам.

– Да, – согласился Яромир. – Только теперь мне кажется, что он не ушел. А убежал.

Они осмотрелись. Лес вокруг казался тем же, но теперь в нем чувствовалось незримое, тяжелое присутствие. Каждый куст, каждая тень могли скрывать того, кто оставил эти следы.

– Что будем делать? – спросил Ратибор, и в его голосе впервые не было и тени вызова. Он спрашивал совета. По-настоящему.

Яромир встал, отряхнул руки.

– Делать? Возвращаемся. Быстро. И тихо. Нам нужно копье. А лучше – все три. И нам нужно, чтобы рука Велеслава зажила. Потому что на эту тварь… с топором не ходят.

Они повернули обратно. Страх перед русалками сменился другим, более конкретным и понятным страхом. Это был страх охотника, который внезапно понял, что в этом лесу есть другой, куда более сильный и опасный охотник. И что они сами из охотников в любой момент могут превратиться в добычу. Впервые с момента прибытия в лес, Яромир и Ратибор не соперничали. Они были двумя самцами одной стаи, почуявшими запах настоящего хищника. И это объединило их крепче любого разговора у огня.

Глава 14. Вызов Ратибора

Дни после встречи со следами огромного зверя и русалками превратились в тягучую, серую рутину. Они почти не отходили от избы. Вырубали мелкий кустарник вокруг, укрепляли крышу, перебирали скудные припасы, снова и снова варили жидкую похлебку. Этот труд, монотонный и изматывающий, был их спасением. Он не давал мыслям разбредаться, не позволял страху окончательно завладеть душой. Но под поверхностью этого напускного спокойствия копилось напряжение. Тяжелое, как грозовая туча.

И центром этого напряжения был Ратибор.

Происшествие у озера сломало что-то в нем. Он, который всегда строил свою личность на силе, наглости и превосходстве над другими, оказался самым слабым. Он единственный поддался чарам настолько, что едва не утонул, как глупый щенок. Его спасли. Спасли те, кого он презирал: "шептун" Велеслав, своей странной, пугающей магией, и "вожак-мямля" Яромир, своей трезвой силой. Это было унижение. Горькое, разъедающее, как кислота.

Он перестал язвить. Он почти перестал говорить. Днем он работал с яростью одержимого, вгоняя топор в дерево с такой силой, словно пытался расколоть не полено, а весь этот ненавистный мир. А вечерами сидел в самом темном углу, точил свой нож и исподлобья смотрел на остальных. В его глазах горел холодный, опасный огонь. Это была не просто злость. Это была уязвленная гордыня, жаждущая отмщения. Жаждущая доказать – прежде всего самому себе – что он не слабак.

Развязка наступила на четвертый день. Вечером, когда они сидели у огня, Яромир подвел итог их вынужденного затворничества.

– Сидеть здесь дальше – нельзя, – сказал он, обводя всех взглядом. – Еда на исходе. Тот зверь… может, он уже ушел. Завтра с рассветом идем на юг. Туда, где видели зайца. Будем ставить больше силков, искать следы. Но идем все вместе. И ни на шаг друг от друга. Лес дал нам урок. Пора показать, что мы его усвоили.

Гостомысл и Велеслав молча кивнули. Ратибор же, который до этого сидел неподвижно, медленно поднял голову.

– Все вместе? – переспросил он, и в его голосе прозвучал яд. – Как испуганные овцы, сбившиеся в кучу? Чтобы ты, Яромир, снова решал за всех, куда идти и что делать? А мы будем послушно блеять и идти за тобой?

– Это не вопрос власти, Ратибор. Это вопрос выживания, – спокойно ответил Яромир, хотя внутри у него все похолодело. Он ждал этого взрыва. – Мы вчетвером – сила. Поодиночке – мы дичь. Легкая добыча. Для кого угодно. Для русалок. Для того зверя. Да хоть для стаи волков.

– Я не овца! – Ратибор вскочил. Его глаза горели. – И я не дичь! Я – охотник! И мне не нужны няньки, чтобы ставить силки! Отец учил меня, что охотник – это одиночка. Он сам себе стая. Он сам себе вожак!

– Твой отец учил тебя охотиться в лесах, где самая большая опасность – это злой кабан, – вмешался Велеслав. – А мы не в том лесу. Здесь другие правила.

– К черту твои правила, шептун! – заорал Ратибор. – Я устал от твоих сказок и твоих страхов! И от твоего "разумного" командования, Яромир! Вы боитесь каждого куста! Вы трясетесь от каждого шороха! А я устал бояться. Я пойду один. И докажу вам всем, что можно выжить и без вашей овечьей стаи. Я наставлю силков. И принесу добычу. Больше, чем ваш задрипанный заяц. А вы… а вы сидите здесь и держитесь друг за дружку, как испуганные девки.

Он схватил свой тулуп, топор и моток веревки.

– Ратибор, не делай глупостей, – Яромир тоже встал, преграждая ему путь. – Это не храбрость. Это самоубийство. Подумай.

– Я уже подумал, – его голос был полон презрения. – Я подумал, что лучше сдохнуть в лесу свободным волком, чем жить здесь в твоей клетке благоразумия, чувствуя себя мокрой курицей. Отойди с дороги.

– Я тебя не пущу.

– Попробуй остановить.

Они стояли друг против друга. Два молодых самца, две непримиримые силы. Яромир – воплощение разума и коллективной ответственности. Ратибор – воплощение бунта, гордыни и отчаянной, слепой воли.

– Не надо… – пролепетал Гостомысл, вжимаясь в стену.

Яромир смотрел в глаза Ратибору. И он видел в них не только гнев. Он видел боль. Ту самую боль унижения, которая точила его все эти дни. И он понял. Ратибор не слышит слов. Ему не нужны аргументы. Ему нужно действие. Ему нужно смыть с себя позор. И он готов заплатить за это любую цену. Даже цену своей жизни. А может, и чужой.

– Если ты сейчас силой попробуешь меня удержать, – прошипел Ратибор, и его рука легла на рукоять топора, – я ударю. Клянусь всеми богами, старыми и новыми, я ударю. И мне будет плевать на последствия.

Яромир медленно, нехотя, отступил в сторону. Не из страха. Из понимания. Драка сейчас ничего не решит. Она лишь окончательно расколет их. Он выбрал меньшее из двух зол.

– Хорошо, – сказал он, и в его голове прозвучало эхо его же собственных слов: "я боюсь принять неверное решение". – Иди. Это твой выбор. И твоя ответственность.

Ратибор победно усмехнулся. Но в глубине его глаз мелькнуло что-то еще – то ли удивление, то ли разочарование. Возможно, он подсознательно ждал, что его остановят. Что не позволят совершить эту глупость.

– Вот и славно, – бросил он. – Не ждите к ужину. Буду поздно. С добычей.

Он рванул на себя дверь и шагнул в сгущающиеся сумерки. Дверь осталась открытой, впуская в избу холодный, промозглый вечерний воздух.

Некоторое время они молчали, глядя в пустой дверной проем.

– Он не вернется, – тихо сказал Велеслав.

– Вернется, – возразил Яромир, подходя к двери и закрывая ее на засов. – Он слишком упрям, чтобы так просто сдохнуть.

– Я не про то, – Велеслав посмотрел на него своими пронзительными глазами. – Даже если он вернется… он уже не будет с нами. Он сделал свой выбор. Он откололся от стаи. А одинокий волк в этом лесу… обречен.

Яромир ничего не ответил. Он сел у огня и снова взялся за свой ивовый прут. Но руки его не слушались. Он чувствовал себя так, словно только что собственными руками столкнул брата в пропасть. Он дал ему уйти. И теперь ему оставалось только ждать и молиться. Молиться, чтобы самоубийственная гордыня Ратибора оказалась сильнее, чем безразличные и безжалостные законы этого леса. И он не был уверен, на что можно рассчитывать больше.

Глава 15. Гнев Болотника

Ратибор шел, почти бежал, подстегиваемый смесью гнева и торжества. Он свободен! Сбросил с себя опеку трусливого Яромира, избавился от занудного шепота Велеслава. Теперь он сам себе хозяин. Один на один с лесом. Настоящий поединок, где нет места сомнениям и слабости.

Сумерки сгущались быстро, превращая лес в лабиринт из черных теней. Но Ратибора это не пугало. Наоборот, возбуждало. Он чувствовал себя волком, вышедшим на ночную охоту. Он не шел куда глаза глядят. Он держал путь на север, туда, где, по словам Велеслава, находились болота. "Старый сохатый ушел к болотам", – вспомнил он. А где сохатый, там и другая дичь. Да и вряд ли кто-то из этих трусов сунется за ним в такую топь.

Его расчет был прост и дерзок: поставить несколько петель на звериных тропах, что ведут к водопою на краю топей, и, может быть, завалить кабана-одиночку. Он принесет в избу не жалкого зайца, а целую тушу. Он швырнет ее к ногам Яромира. И посмотрит. Посмотрит, как они, униженные, будут разделывать его добычу. Эта картина, яркая, полная сладкой мести, согревала его лучше любого огня.

Вскоре воздух стал другим. В нем появилась влажная, тяжелая вонь стоячей воды, гниющих растений и тины. Под ногами захлюпало. Деревья поредели, стали уродливыми, корявыми, покрытыми бородами серого мха. Это были болота.

Ратибор замедлил шаг. Место было неприятное. Из тумана, что стелился по земле, торчали кочки с пучками чахлой, бурой травы. Между ними чернели окна стоячей, маслянистой воды. Тишина здесь была вязкой, давящей. Казалось, сам воздух пропитан апатией и медленной смертью. Но охотничий азарт был сильнее брезгливости. Он заметил тропу – цепочку твердых кочек, по которой явно ходил зверь. Отличное место для силка.

Он шагнул на первую кочку. Она была твердой. На вторую. Тоже. Он уже почти дошел до узкого прохода между двумя чахлыми березками, идеального для петли, когда сделал следующий шаг.

И земля ушла у него из-под ног.

Это не было похоже на падение. Его нога не провалилась, а словно вросла в мягкую, податливую, но невероятно цепкую жижу. Он попытался выдернуть ее, но трясина не пускала. Наоборот, она с тихим, чавкающим звуком начала засасывать его глубже. Паника, холодная и острая, как игла, пронзила его. Он рванулся изо всех сил, теряя равновесие. Вторая нога тоже ушла в топь. Теперь он стоял в ней уже по колено.

– Черт! – выдохнул он.

Он бросил топор и веревку на ближайшую кочку, пытаясь опереться на нее руками, чтобы вылезти. Но жижа была коварной. Она затягивала медленно, но неумолимо. Каждое его движение лишь помогало ей. Он завяз. По-настоящему.

– Эй! – крикнул он в пустоту, и сам испугался своего голоса. Он прозвучал жалко и потонул в болотной тишине, не оставив и эха. – Есть тут кто?!

В ответ – тишина. И лишь откуда-то из глубины трясины, прямо под его ногами, донеслось тихое бульканье. Словно кто-то огромный и сонный вздохнул внизу.

Ратибор замер. Все бабкины сказки, все деревенские страшилки, над которыми он смеялся, вдруг ожили и вцепились в его душу ледяными когтями. Болотник. Хозяин топи. Он здесь. И он проснулся.

Ратибор попытался дышать ровнее, пытаясь вспомнить, что говорил отец: "Попал в топь – не дергайся. Лежи. Раскинь руки. Жди". Но ждать он не мог. Он был уже по пояс в холодной, вонючей жиже. Она обхватывала его, как живое существо, парализуя, отнимая тепло.

И тут он почувствовал.

Что-то, невидимое в мутной воде, коснулось его ноги. Не рыба. Не коряга. Это было прикосновение длинных, скользких, похожих на корни пальцев. Оно было осторожным, изучающим. А затем – хватка. Крепкая, неумолимая. И его потащило вниз. Медленно, но с чудовищной силой.

– Нет! – закричал он, и в этом крике уже не было гнева, не было гордыни. В нем был чистый, животный ужас. – Отпусти!

Трясина забурлила. Из воды показались пузыри. Ратибор отчаянно цеплялся за траву на краю кочки, ломая ногти, сдирая кожу. Но невидимая сила была сильнее. Она тащила его на дно, в свое темное, безмолвное царство.

"Бей первым… либо ты хищник, либо добыча…" – пронеслось в его голове.

Какой же он хищник? Он – добыча. Глупая, самонадеянная добыча, которая сама пришла в пасть к чудовищу. Вся его жизнь, вся его гордыня, вся его сила – все это оказалось ничем перед лицом этой молчаливой, безразличной мощи.

Он видел, как на поверхности воды, совсем рядом, качаются его топор и моток веревки. Такие близкие, но такие недостижимые. Его последняя надежда.

Трясина была уже у него на груди. Дышать стало трудно. Он захлебнулся вонючей водой. Из глубины, из самой тьмы, на него смотрели. Он не видел глаз, но чувствовал взгляд. Пустой. Без эмоций. Как у рыбы. Взгляд вечности, которая пришла забрать его.

"Яромир… Велеслав…" – промелькнуло в угасающем сознании. Те, кого он презирал, кого бросил… Они сидят сейчас в тепле. У огня. В безопасности. А он умирает. Глупо. Страшно. Бесславно. В полном одиночестве.

Это была его последняя, самая горькая мысль. Холодная жижа сомкнулась над его головой. И на поверхности черного, маслянистого окна воды осталось лишь несколько пузырьков, которые тоже быстро растаяли.

Болотник не был злым. Он не мстил. Он не наказывал. Он просто поддерживал порядок в своем доме. А все чужое, шумное, что нарушало вековой покой, должно было оказаться на дне. И стать частью вечной, молчаливой тишины. Таков был закон. И Ратибор только что узнал его цену.

Глава 16. Цена самонадеянности

В избе царила гнетущая тишина. Уход Ратибора оставил после себя не облегчение, а тревожную пустоту. Гостомысл сидел, съежившись, у огня, то и дело бросая испуганные взгляды на дверь. Яромир методично готовил новые силки, но его движения были механическими, а мысли – далеко. Они были там, в темном, холодном лесу, вместе с безрассудным бунтарем.

– Он не вернется, – повторил Велеслав, нарушив молчание. Он сидел, поджав под себя ноги, и перебирал пучки сушеных трав, но взгляд его был устремлен в никуда.

– Почему ты так уверен? – спросил Яромир, не отрываясь от работы.

– Я не уверен. Я чувствую, – ответил Велеслав. – Воздух изменился. Лес… недоволен. Он не любит, когда нарушают равновесие. Ратибор пошел против стаи. Против разума. Он понес в лес свою гордыню. А это самый дурной дар, какой только можно предложить Хозяину.

– Он вернется. Из упрямства, – возразил Яромир. – Злой, может, побитый, но вернется.

– Если сможет, – Велеслав поднял на него свои темные глаза. – Есть места, из которых не возвращаются, каким бы упрямым ты ни был. Ты помнишь, куда ушел тот сохатый?

Сердце Яромира пропустило удар.

– К болотам.

– Вот именно, – тихо сказал Велеслав.

Они замолчали. Слово "болота" повисло в воздухе, как приговор. Каждый из них знал, что это такое. Это была не просто топь. Это было царство Болотника. Место, где человеческие законы и человеческая сила не значили ровным счетом ничего.

Прошел час. Другой. Тьма за стенами избы сгустилась окончательно. Поднялся ветер, он тоскливо завывал в щелях, будто оплакивая кого-то.

– Я больше не могу, – вдруг вскочил Гостомысл. Его лицо было бледным, глаза лихорадочно блестели. – Мы не можем просто сидеть здесь и ждать! Он же… он же наш! Какой бы ни был, а он один из нас!

– Сядь, – глухо сказал Яромир. – Куда ты пойдешь? Ночь. Болота. Мы там все ляжем.

– Но… мы же должны что-то делать!

– Мы должны были не дать ему уйти, – сказал Яромир, и в его голосе прозвучала горечь самобичевания. – Это была моя ошибка. Моя слабость. Я отступил. А теперь…

Он не договорил. Потому что в этот момент, сквозь вой ветра, до них донесся крик. Далекий, почти неслышный, искаженный расстоянием. Но это был он. Крик человека, находящегося на последнем пределе ужаса. Крик о помощи.

Они замерли, вслушиваясь. Крик не повторился.

– Ратибор… – прошептал Гостомысл.

Яромир вскочил. Все сомнения, вся выдержка, весь холодный расчет слетели с него в одно мгновение. Остался лишь один инстинкт, одно правило, вбитое в него отцом и самой жизнью: "Своих не бросают".

– Я иду за ним.

Он схватил копье и моток самой крепкой веревки.

– Ты с ума сошел?! – Велеслав преградил ему путь. – Яромир, остановись! Ты слышал? Он кричал один раз. Один. Это значит, уже поздно! Это ловушка! Болотник может заманивать его голосом! Ты пойдешь туда и тоже не вернешься!

– А если не поздно? – Яромир смотрел поверх его головы, в темноту. – Если он еще жив? Если он там, один, борется? И ждет? А мы сидим здесь, в тепле, и рассуждаем, ловушка это или нет?

– Ты рискуешь собой ради него? Ради того, кто тебя ненавидит? Кто хотел драться с тобой час назад? – Велеслав вцепился в его руку. – Оно того не стоит!

– Он наш, Велеслав, – твердо сказал Яромир, мягко, но настойчиво высвобождая руку. – Ненавидит, презирает – неважно. Он пошел из этой избы. И должен в нее вернуться. Живым или мертвым. Иначе какой мы после этого толк, как стая?

Он посмотрел на Гостомысла.

– Ты останешься здесь. Поддерживай огонь. И запри дверь.

Затем он повернулся к Велеславу.

– А ты… Ты нужен мне. Ты знаешь эти места. Ты почувствуешь, если это обман. Ты – мои глаза и уши. Я – твои руки.

Велеслав смотрел на него несколько долгих секунд. В его глазах шла борьба. Разум говорил "нет". Древние инстинкты кричали об опасности. Но что-то в упрямой, отчаянной решимости Яромира перевесило.

– Хорошо, – выдохнул он. – Будь по-твоему, безумец. Но если я скажу "беги" – ты побежишь, не оглядываясь. Понял?

– Понял.

Они выскользнули в ночь. Ветер бил в лицо, швыряя в глаза колючую изморось. Велеслав двигался первым, пригнувшись к земле, словно ищейка. Он не шел, он чуял путь. Яромир следовал за ним, сжимая в одной руке копье, в другой – веревку.

Они нашли его на краю болота. В том самом месте, где топь подходила к лесу. Трясина уже почти поглотила его. Над поверхностью виднелась лишь голова и одна отчаянно цепляющаяся за кочку рука. Его глаза были закрыты, лицо – синее от холода и нехватки воздуха. Казалось, он был уже мертв.

– Поздно, – прошептал Велеслав.

Но Яромир увидел, как дернулось веко. Жив. Еще жив.

– Веревку! – бросил он. – Ищи, за что зацепить! Дерево, корень, что угодно!

Велеслав метнулся к корявой березе, что росла в нескольких шагах от топи, и быстро, умело, закрепил конец веревки.

– Ратибор! – крикнул Яромир, подползая как можно ближе к краю трясины. – Ратибор, открой глаза! Держись!

Веки Ратибора дрогнули, он с трудом открыл глаза. В них уже не было огня. Лишь мутная, бесконечная усталость.

– Уходи… – прошелестели его губы. – Он… он держит…

Яромир не стал слушать. Он обвязался вторым концом веревки вокруг пояса, оставив несколько метров свободными.

– Велеслав, если меня начнет тащить – руби веревку! Понял?! Лучше один, чем двое!

– Не говори глупостей, – прошипел Велеслав, вытаскивая нож.

Яромир лег на живот, раскинув руки, чтобы распределить вес, и пополз по самой кромке. Холодная, скользкая жижа обжигала руки. Он подполз так близко, что мог дотянуться до вытянутой руки Ратибора.

– Хватайся! – крикнул он.

Ратибор с трудом разжал пальцы, в которых намертво вцепился пучок травы.

– Не могу… сил нет…

– Можешь! Давай! Ради отца! Ради мести! Ради чего хочешь, только хватайся!

Что-то в его голосе, какой-то животный, первобытный приказ заставил Ратибора встрепенуться. Он из последних сил протянул свою руку. Их пальцы встретились. Яромир вцепился в его запястье мертвой хваткой.

И в этот момент трясина дернула. Сильно. Яромир почувствовал, как невидимая, чудовищная сила пытается вырвать Ратибора из его руки и утащить его самого в топь.

– Держи! – заорал он Велеславу.

Веревка натянулась, как струна. Яромира самого потащило вперед, лицо его оказалось в нескольких сантиметрах от черной, булькающей воды. Он чувствовал ее смрадное, ледяное дыхание. Он уперся ногами в землю, мышцы на его спине и руках вздулись, превратившись в камень. Он не тащил. Он просто держал. Он стал якорем между миром живых и безмолвным царством Болотника.

Это была не борьба. Это было перетягивание каната. С одной стороны – два отчаянных юноши. С другой – вековечная, безразличная сила трясины. Секунды растянулись в вечность.

– Он не отпускает! – прохрипел Яромир. – Режь веревку, Велеслав!

– Нет! – крикнул в ответ Велеслав. И сделал то, чего Яромир не ожидал.

Он подбежал к самой кромке, рядом с головой Ратибора, и, глядя в черную воду, закричал. Он кричал не слова. Он выкрикивал странные, гортанные звуки, похожие на древнее заклинание, на звериный рык и плач одновременно. Он выкрикивал их с такой силой, с такой яростью, что казалось, у него лопнут жилы на шее.

И вдруг… хватка ослабла. Словно невидимый враг, уставший или напуганный, разжал свои пальцы.

– Сейчас! – заорал Велеслав.

Яромир рванул изо всех оставшихся сил. Он тянул, выл от напряжения, не чувствуя ничего, кроме огня в мышцах. Он тянул, и за его спиной тянул, упираясь, Велеслав.

И Ратибор, с громким, чавкающим звуком, выскользнул из трясины. Словно новорожденный из чрева. Весь в грязи, в тине, синий, дрожащий, он лежал на твердой земле, кашлял, выплевывая воду и грязь. Он был жив.

Яромир отполз назад и рухнул на спину, глядя в черное, несущееся небо. Он ничего не чувствовал, кроме оглушающей усталости. Он рисковал своей жизнью. Ради того, кто, возможно, завтра снова плюнет ему в лицо. И он не знал, был ли это самый героический или самый глупый поступок в его жизни. Но глядя на спасенного, он понял одно. Неважно. Они были стаей. И сегодня их стая, потерявшая одного, не потеряла второго. Цена самонадеянности была высока. Но цена братства оказалась выше.

Глава 17. Молчание обиды

Путь обратно к избе был похож на шествие призраков. Ратибора, который не мог идти сам, тащили на себе Яромир и Велеслав. Он не весил почти ничего, словно трясина высосала из него не только тепло, но и саму плоть. Его тело била крупная, неукротимая дрожь, а зубы выбивали пулеметную дробь. Он не говорил ни слова, лишь иногда из его груди вырывался сухой, судорожный всхлип. Он не смотрел на своих спасителей. Его взгляд, пустой и мутный, был устремлен в землю.

В избе Гостомысл, услышав их шаги, сорвал засов. Увидев Ратибора, он ахнул и бросился помогать. Они уложили его на лежанку, ближе к огню. Сорвали с него мокрую, вонючую одежду, которая была похожа на ком грязной тины, и укрыли всеми шкурами, что у них были.

Яромир растирал его онемевшие, белые, как у мертвеца, руки и ноги, пытаясь разогнать кровь. Велеслав спешно готовил отвар, бросая в кипяток какие-то травы с острым, пряным запахом. Гостомысл подбрасывал дрова в очаг, создавая такой жар, что в избе стало трудно дышать. Они действовали слаженно, молча, как три части одного механизма. И объектом их усилий было неподвижное, дрожащее тело того, кто еще несколько часов назад презирал их и их единство.

Ратибор лежал, отвернувшись к стене. Он чувствовал, как чужие руки возвращают жизнь его телу, как горячий, обжигающий отвар, который Велеслав заставлял его пить, разливается теплом по венам. Он все чувствовал. И от этого было только хуже. Каждое прикосновение, каждый заботливый жест был не спасением. Он был клеймом. Клеймом его позора.

Он ушел волком-одиночкой. Вернулся – побитой, полудохлой собакой, которую притащили за шкирку.

Он шел доказать свою силу. А доказал лишь свою ничтожность.

Он хотел унизить их. А оказался унижен сам, так глубоко, так окончательно, как никогда в жизни.

И самое страшное – его спасли. Не просто спасли. Рисковали собой. Ради него. Яромир, которого он ненавидел, лежал в шаге от той же трясины, держал его руку. Велеслав, "шептун", кричал в лицо самому Болотнику. Эта мысль была невыносима. Она жгла сильнее любого огня. Благодарность и ненависть смешались в его душе в ядовитый, удушающий коктейль. Он был бы рад их ненавидеть, но не мог. Он был бы рад быть благодарным, но гордыня не позволяла. И он выбрал единственное, что ему оставалось. Молчание.

Когда первый озноб прошел и тело Ратибора перестало сотрясаться в конвульсиях, они отошли от него и сели у огня.

– Выживет, – тихо сказал Велеслав, вытирая руки.

– Тело выживет, – так же тихо ответил Яромир. – А вот что с душой будет…

– Какая душа? – подал голос Гостомысл. – Главное, живой. Вы… вы настоящие герои. Я бы так не смог. Я бы испугался…

– Тихо, – оборвал его Яромир. Он посмотрел в сторону лежанки. Ратибор лежал неподвижно, но они знали, что он не спит. Он слушает. Каждое слово.

Они поели остатков похлебки, стараясь не шуметь. Но тишина в избе была тяжелой. Она была наполнена невысказанным. Раскаянием одного, неловкостью других. Ожиданием хоть какого-то слова, хоть какого-то знака. Но слов не было.

Позже ночью Яромир, который сидел в дежурстве у огня, услышал шевеление. Он обернулся. Ратибор сел на лежанке. В полумраке, освещенный лишь отблесками углей, он был похож на призрака. Он смотрел прямо на Яромира.

Яромир ждал. Сейчас. Сейчас он что-то скажет. "Спасибо". Или "простите". Или хотя бы "я был неправ". Любое слово, которое могло бы разрушить эту ледяную стену, выросшую между ними.

Ратибор открыл рот. Но вместо слов из него вырвался лишь хрип. Он снова попытался.

– Зачем? – наконец, выдавил он. Голос его был чужим, дребезжащим, как у старика.

– Что "зачем"? – не понял Яромир.

– Зачем… вы пошли? Зачем… тащили? Надо было… оставить.

– Мы не могли, – просто ответил Яромир.

– Почему? – в голосе Ратибора прорезалась его прежняя, злая сила. – Почему?! Я бы не пошел. Слышишь? За тобой – я бы не пошел. Я бы сидел здесь и ждал, пока ты не сдохнешь! Так почему?!

Яромир молчал несколько мгновений, глядя в его горящие в темноте глаза.

– Наверное, потому, что я – не ты, Ратибор.

И в этой простой фразе было все. Не осуждение. Не превосходство. Лишь констатация факта. Они были разными. И это было их проклятием и, возможно, их спасением.

Ратибор отшатнулся, словно его ударили. Яромир сказал правду. Жестокую, беспощадную, убийственную правду, которая была хуже любого обвинения. Он показал ему зеркало, и то, что Ратибор в нем увидел, ему не понравилось.

– Ты… ты сделал это, чтобы унизить меня еще больше! – прошипел он. – Чтобы я был обязан тебе до конца своих дней! Чтобы смотреть на тебя снизу вверх, как пес на хозяина!

– Если ты так думаешь, – спокойно ответил Яромир, отворачиваясь к огню, – то ты ничего не понял. Ни здесь. Ни там, в болоте. И мне тебя жаль.

Он подбросил полено в огонь. Разговор был окончен.

Ратибор с глухим стоном рухнул обратно на шкуры и накрылся с головой. Он был спасен. И он был раздавлен. Не Болотником. А человеческой добротой, которой он не мог ни понять, ни принять, ни простить.

В следующие дни он начал поправляться. Тело заживало. Но душа – нет. Он начал есть, двигаться по избе. Но он не разговаривал. Ни с кем. Он просто был. Тихая, угрюмая тень. Его молчание было громче любого крика. В нем была обида, унижение, ненависть. И эта молчаливая, затаенная злоба была страшнее его прежней, открытой агрессии.

Остальные чувствовали это. Они пытались говорить с ним, но натыкались на глухую стену. И напряжение в избе снова начало расти. Они спасли ему жизнь. Но они потеряли его окончательно. Он откололся от стаи не физически, а ментально. Он был рядом, но он был один. И никто не знал, когда и как эта сжатая до предела пружина его уязвленной гордости распрямится. И кого она ударит.

Глава 18. Уроки Велеслава

После ночи спасения Ратибора пришло затишье. Мрачное, напряженное, но все же затишье. Большие вылазки в лес были временно невозможны: Ратибор был еще слишком слаб, да и всем требовалось время, чтобы оправиться от потрясений. Они снова оказались заперты в своей избе-берлоге, и снова перед ними во весь рост встала проблема голода. Но на этот раз у них был учитель.

Этим учителем стал Велеслав.

Он, чьи тихие речи раньше вызывали у Ратибора насмешки, а у остальных – недоумение, теперь стал центром их маленького мира. Пока Яромир и Гостомысл занимались хозяйством, он уходил. Исчезал на несколько часов, не дальше крика от избы, и возвращался с пучками трав, с корзиной из коры, наполненной грибами, корнями и ягодами. А потом начинались его уроки.

Они сидели на полу вокруг разложенных на шкуре "трофеев", и Велеслав, словно старый волхв, делился своими знаниями.

– Вот это, – он поднимал невзрачный, похожий на морковь корень, – зовут заячьей капустой. На вкус кислая, но в ней сила, что кровь чистит и от цинги спасает, когда солнца мало. Ее надо жевать сырой, долго.

– А это, – он показывал на гроздья ярко-красных, блестящих ягод, – волчья ягода. Красивая, правда? Как бусы у девки. Но в ней – смерть. Быстрая. Одна ягодка – и сердце твое остановится. Запомните: все, что в лесу слишком красиво и бросается в глаза, скорее всего, ядовито. Лес не любит хвастунов. Он прячет свои настоящие сокровища.

Он говорил тихо, монотонно, и его голос завораживал. Он рассказывал не как ботаник, перечисляя названия. Он рассказывал истории. У каждого растения, у каждого корня была своя душа, свой характер, своя легенда.

– Этот гриб, – он брал в руки крепкий боровик, – зовут царем. Потому что он сильный, честный. Его можно есть сырым, и он даст тебе силы. Но у него есть лживый брат-близнец – желчный гриб. Такой же красивый, такой же крепкий. Но внутри него – горечь. Один такой в котле – и вся похлебка станет ядом для нутра. Как отличить? Царь пахнет лесом. А лжец – гнилью. Всегда верьте своему носу. Он древнее и умнее ваших глаз.

Ратибор сидел в своем углу. Он делал вид, что не слушает, что занят починкой своей одежды, но Яромир видел, как он замирает, как напряженно вслушивается в слова Велеслава. Ему, охотнику, привыкшему презирать всякое "копание в земле", эти знания были жизненно необходимы. И это было еще одним унижением – учиться у того, кого он считал слабаком.

– А правда, что есть трава, которая любой замок открывает? – с детским восторгом спросил Гостомысл.

Велеслав посмотрел на него и еле заметно улыбнулся.

– Есть. Называется разрыв-трава. Цветет в ночь на Купалу. Но чтобы ее найти, нужно сначала отдать что-то взамен. Что-то железное. Нож или топор. Потому что железо – это символ человеческой власти. А чтобы получить силу природы, от власти надо отказаться. Все в этом лесу – обмен. Ты – мне, я – тебе. Ты лесу – уважение, он тебе – тропинку. Ты ручью – дар, он тебе – чистую воду. Ты Хозяину – соль, он тебе – зайца.

– А если не обмениваться? Если просто брать? Силой? – неожиданно раздался хриплый голос из угла. Ратибор. Он не смотрел на них, но вопрос был задан.

Велеслав на мгновение замолчал.

– Можно, – сказал он наконец, глядя прямо на Ратибора. – Можно взять силой. Один раз. Может, два. Но лес запомнит. Он не будет мстить, нет. Он просто перестанет с тобой говорить. Перестанет показывать тебе свои дары. Зверь уйдет с твоей тропы. Под ногами начнут попадаться только ядовитые грибы. Ручей принесет тебе воду с болотной гнилью. И однажды ты протянешь руку за красивой красной ягодкой, потому что будешь очень голоден… И на этом все кончится. Брать силой у того, кто в тысячу раз сильнее тебя – это не храбрость. Это глупость.

Ратибор ничего не ответил, но Яромир увидел, как он с силой сжал в руке иглу.

Уроки Велеслава были не только о еде. Он учил их выживанию.

– Ветер с севера, – говорил он, стоя на пороге избы и втягивая носом воздух. – Влажный. К ночи будет снег. Нужно больше дров.

– Как ты узнал? – удивлялся Гостомысл. – Небо же чистое.

– Деревья сказали, – просто отвечал Велеслав. – Смотри, ветки сосен опустились. Они чувствуют тяжесть будущего снега и готовятся. И паук вон, в углу, новую паутину плести не стал. Ждет. Слушайте не только ушами.

Он показывал, как из бересты сделать непромокаемый чехол для огнива, как из смолы сварить клей, которым можно починить рукоять топора, как по крику сойки определить, что рядом хищник. Его знания казались бездонными. Это была не книжная мудрость. Это была мудрость, впитанная с молоком матери, переданная от деда, нашептанная самим лесом.

Однажды Яромир спросил его, когда они остались одни:

– Откуда ты все это знаешь, Велеслав? Твой отец – он ведь плотник, как и мой.

Велеслав долго молчал, перетирая в пальцах сухой лист брусники.

– Не отец. Бабка моя, – сказал он наконец, и в его голосе прозвучали теплые нотки. – Она была… знающей. Люди в деревне ее побаивались. Говорили – ведьма. А она просто умела слушать. Она водила меня в лес с тех пор, как я ходить научился. Показывала, рассказывала. Говорила, что у каждого человека есть два дома. Один – изба, построенная руками. А второй – вот он, – он обвел взглядом лес. – И если ты забудешь дорогу ко второму дому, то и в первом ты никогда не будешь счастлив по-настоящему.

– Она многому тебя научила.

– Не всему. Она говорила: "Я могу показать тебе дверь, Велеск. Но войти в нее ты должен сам".

И в этих словах Яромир вдруг увидел всю суть их испытания. Сидор, старый охотник, лишь показал им дверь, грубо втолкнув их внутрь. А Велеслав, их тихий, странный товарищ, теперь учил их, как не заблудиться в комнатах этого огромного, загадочного дома. Учил, как стать не завоевателями, а жильцами. И от того, усвоят ли они эти уроки, зависела не просто сытость. Зависела их жизнь.

А Ратибор в своем углу слушал, запоминал и молчал. В нем боролись два зверя: гордыня, не позволяющая признать правоту "шептуна", и инстинкт выживания, который жадно впитывал бесценные знания. И никто не знал, какой из этих зверей в итоге победит.

Глава 19. Тени прошлого

Дни шли, сплетаясь в однообразную, серую вереницу. Уроки Велеслава приносили свои плоды. Они больше не голодали так отчаянно, как вначале. Жидкая похлебка стала гуще, в ней чаще попадались грибы, коренья и даже, однажды, пойманная в силок жирная белка. Этот маленький пир они восприняли уже не как чудо, а как заслуженную награду. Они учились. Медленно, с ошибками, но они приспосабливались.

Именно в один из таких тихих, спокойных вечеров Гостомысл вдруг заговорил. До этого он больше помалкивал, подавленный своей ошибкой на охоте и общей тяжелой атмосферой. Но сегодня сытость и тепло развязали ему язык. Он сидел у огня и старательно вырезал из куска мягкой древесины маленькую, неуклюжую фигурку лошадки.

– У меня сестренка младшая есть, Оленка, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, просто глядя на свою поделку. – Ей вот-вот пять зим стукнет. Обещал ей на именины привезти из города коня пряничного, сахарного. Она таких любит…

Он вздохнул, и в этом вздохе была вся его бесхитростная тоска по дому.

– У вас-то как? – он поднял свои ясные, синие глаза. – Братья, сестры есть?

Яромир кивнул.

– Есть. Милава. Ей десять. Вся в мать – тихая, работящая. И глазастая. Все примечает. Я когда уходил, она плакала. Обещал ей ожерелье из жемчуга привезти. Речного.

– А у меня никого, – хмыкнул Велеслав, который чинил их поршни толстой жильной нитью. – Я один у матери с отцом. Да бабка была, упокой ее душа.

Все трое невольно посмотрели в темный угол, где сидел Ратибор. Он, как обычно, молчал, делая вид, что их разговор его не касается.

– А у тебя, Ратибор? – не унимался простодушный Гостомысл. – Есть родня?

Ратибор медленно поднял голову. Взгляд его был тяжелым, как камень.

– А тебе какое дело? – процедил он.

– Да так… просто… – смутился Гостомысл.

– Два брата, – вдруг сказал Ратибор. – Старших. Оба – вылитый отец. Крепкие, молчаливые. Всегда все делали лучше меня. Я был… младший. Самый злой и самый бесполезный, как они говорили. Все, что я делал – я делал, чтобы доказать им. Что я не хуже.

Он замолчал, и эта короткая, брошенная в сердцах исповедь сказала о нем больше, чем все его предыдущие крики и угрозы. Вечная борьба за место под солнцем, за отцовское признание, за уважение старших братьев. Стало понятно, откуда растут корни его гордыни и его ярости.

– А я… я ведь сам сюда попросился, – снова заговорил Гостомысл, осторожно сдувая стружку с деревянной лошадки. – У нас в деревне говорили, что тех, кто испытание пройдет, – уважать будут. Девки на них заглядываться станут. Женихом будет завидным. Отец отговаривал. Говорил: "Куда тебе, Гостушка, ты парень домашний, работящий. Твое дело – землю пахать, а не по лесам с копьем бегать".

Он горько усмехнулся.

– А я не послушал. Хотелось… славы. Чтобы не просто "Гостушка, хороший парень", а чтобы "Гостомысл-охотник!". Чтобы отец гордился. Чтобы Рада, соседка наша… – он покраснел, – чтобы она посмотрела на меня по-другому. Она все на дружинников заглядывается, что к нам из города приезжают. А что я? Пахарь. Руки в земле, одежда в навозе.

Он поднял на них взгляд, и в глазах его стояла такая детская, наивная мечтательность, что у Яромира сжалось сердце.

– Я себе все представлял, – Гостомылс говорил все быстрее, увлекаясь собственными фантазиями. – Как я возвращаюсь. А на плече у меня – шкура рыси. Или даже волка. Вся деревня выходит встречать. И отец смотрит, и говорит: "Вот это мой сын! Мужчина!". А Рада… она стоит в сторонке и краснеет. А я подхожу к ней, и дарю ей хвост волчий. А она…

Он осекся, поняв, что все смотрят на него. Он снова густо покраснел.

– Глупости, наверное, все это…

– Почему глупости? – тихо сказал Яромир. – Мечтать – это не глупо. Это то, что помогает нам здесь не сойти с ума. Каждый из нас мечтает. О чем-то своем.

– И о чем ты мечтаешь? – спросил Гостомысл.

Яромир задумался, глядя в огонь.

– Я? Я мечтаю о простом. Вернуться. Сесть за стол в своей избе. Увидеть, как мать ставит на стол горшок с горячей кашей. Как отец молча кивает мне, и в его глазах – одобрение. Как сестра прижимается к моему плечу. Мне не нужна слава. Не нужно, чтобы на меня показывали пальцем. Мне нужно, чтобы все было, как раньше. Только… чтобы я был другим. Чтобы я знал, что прошел через это. И не сломался. Чтобы я мог спокойно посмотреть в глаза своему отражению в воде и не отвернуться.

– Мудро сказано, – кивнул Велеслав.

– А ты о чем мечтаешь, Велеслав?

Тот отложил свою работу.

– Моя мечта простая. Я мечтаю, что однажды люди перестанут бояться леса. Перестанут видеть в нем только дрова, дичь и враждебную силу. Я мечтаю, чтобы они снова научились с ним говорить. Как моя бабка. Чтобы они поняли, что мы – не хозяева здесь. А лишь малая часть чего-то огромного и мудрого. И если мы не научимся жить с этим в мире, то мы просто исчезнем. А лес останется.

Они замолчали. Каждый думал о своей мечте, такой разной, но в то же время такой похожей. Каждый хотел вернуться. Но вернуться уже не тем, кем был. Стать лучше, сильнее, мудрее.

– А знаешь, – Гостомысл посмотрел на свою лошадку. – Я все равно ее вырежу. И когда вернусь, подарю Оленке. И Раде ничего дарить не буду. Если я ей нужен буду как охотник со шкурой, то и не нужна она мне вовсе. А отцу… ему не нужно будет ничего говорить. Он и так все в глазах увидит.

В этот момент Гостомысл, этот простой, наивный парень, показался Яромиру самым мудрым из них всех. Он нашел свою истину. Не в славе, не в подвигах. А в простом человеческом достоинстве.

– Правильно говоришь, Гостушка, – улыбнулся Яромир.

– Я не Гостушка, – тихо, но твердо ответил Гостомысл, и в глазах его не было прежней робости. – Я Гостомысл.

И эта простая фраза значила очень много. Значила, что мальчик, который боялся собственной тени, начинает превращаться в мужчину. И лес, со всеми его ужасами и лишениями, был тому причиной. Тени прошлого все еще витали над ними. Но будущее, пусть и туманное, и пугающее, уже не казалось таким безнадежным. Потому что теперь у каждого из них была мечта, очищенная от шелухи тщеславия. Простая и настоящая, как этот огонь в очаге и как этот лес за стенами. Мечта о возвращении. К себе.

Глава 20. Знак беды

Мир, хрупкий, как тонкий ледок на утренней луже, который они с таким трудом выстроили внутри своей избы, треснул на рассвете пятого дня.

Это утро ничем не отличалось от предыдущих. Такой же серый, безликий свет просачивался сквозь затянутые пузырем окна. Так же потрескивали поленья в очаге, который Яромир поддерживал всю ночь. Так же пахло дымом, травами и немытыми мужскими телами. Они проснулись, поели жидкой, но уже привычной каши из толченых кореньев и собирались идти проверять силки. Ратибор, как обычно, молча натягивал свои починенные поршни. Гостомылс проверял остроту своего единственного ножа. Все было буднично.

И в этот момент над избой раздалось:

– Кра-а-а!

Это было так неожиданно и громко, что все вздрогнули и замерли. Звук был резким, гортанным, полным какой-то злорадной тоски. Голос большого ворона. Не простого, а того самого, которого старики в деревнях называли "вещуном". Птицы, которая живет сотни лет и видит нити судеб.

Мгновение тишины.

– Кра-а-а!

Второй раз. Еще громче. Еще ближе. Казалось, он сидит прямо на их мшистой крыше и каркает в печную трубу. Ратибор медленно поднял голову, его лицо напряглось. Гостомысл перестал возиться с ножом и испуганно посмотрел на Яромира.

– Всего лишь птица, – сказал Яромир, скорее для себя, чем для других. Но его слова прозвучали неубедительно. Все они выросли на одних и тех же сказках и приметах. И все знали, что значит этот звук.

– Кра-а-а!

Третий раз. Последний. После этого наступила оглушительная тишина. Они стояли, затаив дыхание, но ворон больше не подавал голоса.

– К покойнику, – прошептал Гостомысл, и в его голосе был суеверный ужас. Он перекрестился широким, размашистым крестом – так научила его мать. – Трижды прокричал. Прямо над домом.

– Перестань, – одернул его Яромир. – Это просто птица. Может, падаль где нашла, вот и радуется.

– Ворон не радуется, когда каркает. Он предупреждает, – раздался тихий, глухой голос Велеслава.

Все обернулись к нему. Велеслав стоял у окна, бледный, как полотно. Он не выглядел испуганным, как Гостомылс. Он выглядел… обреченным. Словно он не просто услышал дурную примету, а увидел то, о чем она кричала.

– Ты-то что скажешь, шептун? – язвительно бросил Ратибор, пытаясь скрыть собственное беспокойство за привычной маской. – Твой пернатый дружок нам несчастье сулит? Какое на хрен еще несчастье может с нами случиться? Мы и так в заднице мира!

– Беда не спрашивает, где ты находишься, – медленно ответил Велеслав, не сводя взгляда с окна. – Она просто приходит.

– И что же, по-твоему, нам теперь делать? Запереться в этой дыре и трястись, пока она не придет?

– Нет. Сегодня мы не пойдем в лес.

Это заявление было встречено молчанием. Предложение не ходить на промысел, когда еда на исходе, было равносильно безумию.

– Ты сдурел? – первым взорвался Ратибор. – Силки не проверены, дрова кончаются! Мы должны сидеть здесь, потому что тебе, видите ли, птичка что-то нашептала?!

– Птичка не шептала. Птичка кричала, – ровно ответил Велеслав. – Лес сегодня… злой. Я чувствую это. Утром туман пах не водой, а железом. Паук сбежал из своего угла. Вода в бочке кажется мутной. Это все знаки. Лес предупреждает: "сидите тихо". Сегодня его день. Не наш. Кто пойдет против его воли… тот не вернется.

– Это все чушь собачья! – Ратибор шагнул к Велеславу. – Приметы! Знаки! Ты живешь в мире сказок! А я живу в мире, где если не поймаешь зверя – сдохнешь с голоду! Твой хваленый Хозяин Леса дал нам зайца, когда мы его ублажили. А теперь что? Он решил забрать одного из нас в уплату?

Яромир видел, что спор заходит слишком далеко.

– Успокойтесь оба, – сказал он властно. – Велеслав, это всего лишь приметы. Может, они ничего и не значат.

Велеслав впервые за все время посмотрел на Яромира с укором.

– "Всего лишь"? Яромир, я думал, ты начинаешь понимать. Здесь нет ничего "всего лишь". Каждая упавшая ветка, каждый крик птицы, каждый след – это слово. Лес говорит с нами. Постоянно. И сегодня он говорит: "Опасайся". Три крика ворона – это не к одному покойнику. Это выбор. Он дал нам знак и смотрит, что мы будем делать. Пойдем наперекор – значит, мы глупцы, не уважающие его волю. Значит, мы – лишние здесь.

Его голос был так убедителен, его вера в то, что он говорит, была так абсолютна, что даже Яромир почувствовал укол сомнения.

– И что ты предлагаешь? – спросил он. – Просто сидеть и ждать?

– Да. Заниматься домашним делом. Точить ножи. Чинить одежду. Быть тише воды, ниже травы. И слушать. Просто слушать. Мы должны показать лесу, что мы услышали его предупреждение. Что мы уважаем его силу. Это единственная наша защита.

– Я не собираюсь сидеть сложа руки, – отрезал Ратибор. – Это трусость. Я иду проверять силки. И мне плевать на твоих ворон и пауков. Гостомылс, ты со мной?

Гостомысл затравленно посмотрел то на Ратибора, то на Велеслава. Он был напуган до смерти, но ослушаться Ратибора боялся еще больше.

– Не ходи, Гостомысл, – мягко сказал Яромир. – Останься.

– Трусы, – презрительно бросил Ратибор. – Я и один справлюсь.

Он взял свое копье и решительно направился к двери.

– Ратибор, постой! – крикнул ему в спину Яромир. – Это глупо!

Тот обернулся в дверях. На его лице была злая, решительная усмешка.

– Посмотрим, кто был прав, когда я вернусь с добычей, – бросил он и вышел, громко хлопнув дверью.

Они остались втроем. В давящей, полной дурных предчувствий тишине.

– Зря ты его отпустил, – прошептал Гостомысл.

– А что я мог? Силой удержать? – с горечью ответил Яромир. – Он бы полез в драку. И стало бы только хуже.

Он подошел к Велеславу. Тот все так же стоял у окна, глядя в серую, безжизненную мглу, куда только что ушел Ратибор. Лицо его было похоже на высеченную из камня маску скорби.

– Думаешь… с ним что-то случится? – тихо спросил Яромир.

Велеслав не оборачивался.

– Ворон не лжет, – сказал он глухо. – Он никогда не лжет. Беда уже в пути. И Ратибор пошел ей навстречу.

И Яромир вдруг с леденящей душу ясностью понял. Они могли спорить. Могли не верить. Но что-то в непреклонной уверенности Велеслава, в самой атмосфере этого дня говорило о том, что игра закончилась. Лес достаточно долго учил их, предупреждал. А теперь пришло время экзамена. И один из них пошел сдавать его в одиночку, демонстративно презрев все правила. И оценка за этот экзамен могла быть только одна. Жизнь. Или смерть.

Глава 21. Хозяин Чащи

После ухода Ратибора изба погрузилась в тяжелое, вязкое молчание. Время остановилось. Каждый треск полена в очаге, каждый вздох ветра за стеной отдавался в ушах, как удар молота по наковальне. Гостомысл сидел у огня, обхватив колени руками, и раскачивался из стороны в сторону, как в лихорадке, его губы беззвучно шептали то ли молитвы, то ли ругательства. Велеслав неподвижно стоял у окна-глазницы, превратившись в темный, застывший силуэт.

Лишь Яромир пытался бороться с бездействием. Он сел на лавку и с преувеличенной, яростной сосредоточенностью принялся точить кремневый наконечник копья. Шорк-шорк-шорк… Резкий, нервный звук наполнял избу. Он оттачивал не просто камень. Он оттачивал свою тревогу, свой страх, свое чувство вины. Каждый скол был попыткой вернуть контроль над ситуацией, которая давно вышла из-под контроля.

– Он уже должен был вернуться, – прошептал Гостомысл. – Даже если просто силки проверить. Уже должен…

– Тихо, – ответил Яромир, не прекращая работы. – Он вернется, когда вернется.

– А если нет? – Голос Гостомысла дрогнул. – Если ворон… если Велеслав прав? Если с ним беда?

– Значит, такова его судьба, – глухо проронил Велеслав от окна. – Он выбрал свою тропу. Лес не прощает глупцов.

– Это не глупость! Это гордыня! – взорвался Яромир, с силой вонзив недоточенное копье в столешницу. – А мы… мы позволили его гордыне увести его на смерть! Мы! Я позволил!

Он вскочил. Метался по тесной избе, как зверь в клетке.

– Не могу. Не могу просто сидеть и ждать. Я пойду за ним.

– Куда? – Велеслав наконец обернулся, и его лицо в полумраке было суровым и осунувшимся. – Ночь на носу. Ты даже следов его не найдешь.

– Найду. Он пошел на север, к болотам. Хоть дойду до опушки, крикну. Я должен. Я должен знать.

– Мы должны, – твердо сказал Гостомысл, поднимаясь. Страх все еще плескался в его глазах, но верность другу оказалась сильнее.

Велеслав посмотрел на них, на эту отчаянную, безрассудную решимость. Он тяжело вздохнул.

– Хорошо. Но только до первых сумерек. Если не найдем следов до того, как начнет темнеть, – возвращаемся. Идти по этому лесу ночью, когда он зол – верная смерть.

Они вышли из избы. Воздух был неподвижным и тяжелым. Тишина стояла такая, что, казалось, давит на барабанные перепонки. Они двинулись на север, Велеслав впереди. Он шел, низко опустив голову, читая землю, как страницу. Вскоре он нашел то, что искал.

– Вот его след, – сказал он, указывая на примятый мох. – Шел быстро. Почти бежал. Один.

Они пошли по следу. Тропа вела их через густой ельник, где царил вечный полумрак. Чем дальше они шли, тем сильнее становилось гнетущее чувство. Лес вокруг был мертвым. Ни птичьего крика, ни шороха мыши. Он затаился. Он ждал.

Спустя час они вышли на небольшую поляну. И здесь след Ратибора обрывался. Они увидели его силки – три петли из жильной нити. Все три были сорваны и пусты. Рядом, воткнутое в землю по самое древко, стояло его копье.

– Он бросил его… – прошептал Гостомысл.

– Нет. Он его воткнул. Чтобы освободить руки, – поправил Велеслав. Он опустился на колени, изучая землю. – Он не гнался ни за кем. Он бежал. От кого-то.

Внезапно из самой густой чащи, куда уводили спутанные следы Ратибора, донесся звук. Громкий, оглушительный треск. Словно под чьей-то немыслимой тяжестью лопнул ствол молодого дерева. Они замерли, превратившись в камень. Сердце Яромира ухнуло куда-то вниз, в ледяную пропасть.

Из чащи донесся еще один звук – низкий, утробный, похожий на вздох великана. И что-то огромное, темное, начало ломиться сквозь подлесок. Оно двигалось неторопливо, но с такой неостановимой, сокрушающей мощью, что тонкие деревца падали перед ним, как спички.

– Назад… – прошептал Велеслав, пятясь. – Медленно…

Но было уже поздно. На край поляны, раздвинув кусты, шагнуло Оно.

Это был лось.

Но это слово – "лось" – было жалким, ничтожным, неспособным описать то существо, что предстало перед ними. Это был патриарх. Хозяин. Древний бог этой чащи. Он был огромен, как две коровы, поставленные друг на друга. Его темно-бурая, почти черная шерсть висела клочьями, на боках виднелись старые, заросшие шрамы – следы сотен битв с волками, медведями и другими сородичами. На его массивной, горбоносой голове покоилась корона из мертвых сучьев – гигантские, асимметричные рога, похожие на выкорчеванные корни старого дуба.

Он остановился, тяжело переводя дух. Воздух с шумом вырывался из его ноздрей, превращаясь в облачка пара. Он поднял свою огромную голову и посмотрел на них. Его глаза были маленькими, черными, как два уголька. И в них не было ничего. Ни злобы, ни страха, ни любопытства. Лишь вековечная, холодная мудрость и полное, абсолютное безразличие к тем козявкам, что копошились на его поляне.

Гостомысл издал тихий, сдавленный стон и осел на землю. Он не мог ни бежать, ни кричать. Первобытный ужас парализовал его. Яромир застыл, рука его мертвой хваткой сжимала копье, но он понимал всю бессмысленность этого жеста. Это копье было зубочисткой для такого чудовища. Это не был зверь, на которого можно охотиться. Это была стихия. Как гроза. Как лесной пожар. Ей нельзя было противостоять. От нее можно было только бежать или умереть.

И лишь Велеслав… он сделал то, чего никто не ожидал. Он медленно, плавно, опустился на одно колено. Он склонил голову.

– Хозяин… – сорвалось с его губ благоговейным шепотом.

Лось постоял еще мгновение, глядя на них своими древними глазами. Он словно оценивал их. Взвешивал их души на невидимых весах. Затем он издал низкий, гортанный звук. Это не был рев или угроза. Это был просто звук. Звук силы, которой не нужно ничего доказывать. Глухой, утробный выдох, от которого, казалось, задрожала сама земля.

Он медленно, с достоинством короля, повернулся. Его тело двигалось с ленивой, неторопливой мощью. Он сделал шаг обратно в чащу. Кусты и молодые деревья расступались перед

ним. Треск ломаемых ветвей еще некоторое время доносился до них, а затем все стихло. Он ушел. Словно его и не было.

Они остались одни на поляне. Тишина, нарушаемая лишь судорожными всхлипами Гостомысла, была еще страшнее, чем присутствие зверя.

– Мы… – выдохнул Яромир, чувствуя, как дрожат его колени. – Мы даже не дичь для него. Мы… пыль.

– Он и есть тот знак, о котором кричал ворон, – сказал Велеслав, поднимаясь с колен. Лицо его было белым и торжественным. – Это его лес. Он Хозяин. А Ратибор… – он посмотрел на брошенное копье, на спутанные следы, ведущие в никуда. – Ратибор вломился в хозяйские покои с топором наперевес.

И теперь они знали. Знали, от чего так отчаянно и безнадежно бежал их товарищ. И вопрос был уже не в том, найдут ли они его. Вопрос был в том, *что* от него осталось.

Глава 2

2

. Ловушка в буреломе

Тишина, оставленная ушедшим зверем, была тяжелее и страшнее его присутствия. Несколько долгих мгновений они просто стояли, не в силах пошевелиться, придавленные осознанием собственной ничтожности. Первым пришел в себя Яромир. Адреналин, ударивший в кровь, погасил первобытный ужас, заменив его холодной, ясной яростью.

– Ратибор, – глухо сказал он, глядя на брошенное копье, на следы, ведущие в чащу, откуда явилось чудовище. Картина в его голове сложилась мгновенно: Ратибор натыкается на зверя, в панике бежит, роняя оружие, а лось идет за ним. Не спеша. Как палач за осужденным.

– Его больше нет, – прошептал Гостомысл, медленно поднимаясь с колен. Лицо его было серым, как пепел. – Он… он его…

– Замолчи! – рыкнул Яромир. – Мы не знаем! Мы ничего не знаем! Но сидеть здесь и дрожать, как осиновые листья, мы не будем!

Он шагнул и выдернул из земли копье Ратибора. Дерево было холодным.

– Что ты собираешься делать? – Голос Велеслава был напряженным. Благоговение в его глазах сменилось тревогой. – Яромир, ты же сам видел… Это не зверь. Это… сила.

– А Ратибор – не сила? Он – человек! Один из нас! – Яромир обернулся к ним, и в его серых глазах пылал огонь, которого никто в нем раньше не видел. – Мы позволили ему уйти! Я позволил! И пока я не увижу его… его тела… или пока это чудовище не ляжет на землю, я не успокоюсь!

– Ты… ты хочешь охотиться на него? – Гостомысл смотрел на него, как на безумца. – На ЭТО?

– А у нас есть выбор? – жестко спросил Яромир. – Мы будем прятаться в избе, пока он не придет и не разнесет ее по бревнышку, чтобы достать нас? Мы видели, как он ломает деревья! Что ему наша изба? Мы либо убьем его, либо он, рано или поздно, убьет нас! Мы зашли на его землю! Он показал нам, кто здесь хозяин! А я хочу показать ему, что и человек – тоже не тварь дрожащая!

Его слова, полные отчаяния и дерзкого вызова, были безумны. Но в этом безумии была своя логика. Логика загнанного в угол зверя, который выбирает бой, а не покорное ожидание смерти.

– Он прав, – неожиданно сказал Гостомысл, и в голосе его появилась сталь. Наивный мальчик умирал в нем, и на его месте рождался воин. – За Ратибора. Если он мертв, то тварь должна заплатить.

– Это не месть, – тихо поправил Велеслав. – Месть – чувство человеческое. Этой горе плоти оно неведомо. Это будет… казнь. Либо наша, либо его. Я не верю, что мы можем его победить. Но я также не верю, что мы можем просто уйти. Он нас видел. Он нас запомнил. Он придет.

Решение было принято. Безрассудное, самоубийственное, но единственное, которое позволяло им сохранить остатки человеческого достоинства. Они не будут жертвами. Они будут охотниками.

– У нас нет шансов в открытом бою, – сказал Яромир, беря командование на себя. Голова его работала лихорадочно, отгоняя страх. – Он слишком большой и сильный. Его нужно загнать. Ослабить. Лишить пространства. Велеслав, ты знаешь этот лес. Есть здесь место… ущелье, глубокий овраг, бурелом, откуда ему будет трудно выбраться?

Велеслав задумался, его взгляд ушел внутрь.

– Есть. В полуверсте отсюда на юг. Старое русло ручья. Глубокое, с крутыми склонами и завалено вековыми деревьями. Если загнать его туда, он завязнет. Он потеряет свою главную силу – мощь и напор.

– Отлично. План такой, – Яромир говорил быстро, четко, не давая им времени на сомнения. – Велеслав, ты и я – мы загонщики. Мы должны гнать его. Не нападать. Просто кричать, шуметь, не давать ему покоя, направлять в сторону оврага. Гостомысл… – он посмотрел на побледневшего, но решительного парня. – Твоя задача самая важная и самая опасная. Ты должен ждать нас у входа в тот овраг. Ты должен быть тише тени. Когда мы загоним его, когда он будет уже в ловушке, ты должен будешь поджечь вот это.

Яромир достал из-за пазухи кусок бересты и кремень.

– Я собрал смолу, сухой мох… Ты устроишь завал из сухих веток у входа в овраг. Когда он войдет, ты должен будешь поджечь. Огонь и дым отрежут ему путь назад. И тогда… тогда мы будем бить его сверху, со склонов. Копьями. Камнями. Всем, что будет под рукой.

План был отчаянным. Шансов на успех было мало, и каждый из них это понимал.

– Он… он может побежать не туда, – сказал Гостомысл. – Он может развернуться и побежать на вас.

– Может, – кивнул Яромир. – Поэтому бежать мы должны быстрее.

Они разошлись. Гостомысл, бледный, но сжавший зубы, скрылся в лесу, направляясь к старому руслу. Яромир и Велеслав, сделав большой крюк, осторожно пошли по следу лося. Вскоре они его услышали. Он был недалеко, в густых зарослях, и шумно обдирал кору с молодой осины.

– Готов? – шепотом спросил Яромир.

Велеслав молча кивнул. Его лицо было похоже на маску.

– Тогда, с богами! – крикнул Яромир и, набрав побольше воздуха, издал громкий, пронзительный вопль.

Велеслав подхватил его, но его крик был иным – высоким, похожим на вой волка. Они выскочили из-за деревьев и начали бить копьями по стволам, создавая оглушительный шум.

Лось на мгновение замер, удивленный такой наглостью. Затем он поднял свою огромную голову. В его черных глазах не было страха. Лишь холодное, тяжелое раздражение. Он издал свой утробный, низкий рев и, не поворачиваясь, с невероятной для его размеров легкостью, пошел вглубь чащи – как раз в ту сторону, куда им было нужно.

Началась гонка. Яромир и Велеслав бежали по флангам, стараясь не отставать, не терять зверя из виду и постоянно поддерживая шум. Они кричали до хрипоты, колотили палками по деревьям, вкладывая в этот шум весь свой страх, всю свою ярость, всю свою надежду.

Лось же не бежал. Он шел. Он шел своей тяжелой, сокрушительной поступью, не оглядываясь. Ему не нужно было бежать. Казалось, он просто решил сменить место кормежки, и назойливые двуногие букашки его лишь слегка раздражали. Они гнали его к оврагу. А он, казалось, вел их в свою, ему одному известную ловушку.

Овраг был уже близко. Яромир видел, как рельеф пошел под уклон. Еще немного, еще чуть-чуть. Он бросил взгляд на Велеслава. Тот бежал молча, его лицо было мокрым от пота. Он тоже понимал – решающий момент близок.

И в этот момент лось остановился. Прямо перед входом в заваленное буреломом русло. Он замер, словно прислушиваясь к чему-то.

"Давай же! Еще шаг!" – мысленно взмолился Яромир.

И лось сделал шаг. Но не вперед. А в сторону. Он медленно, почти лениво, развернулся и посмотрел на них. И в его взгляде Яромир увидел то, что заставило кровь застыть у него в жилах. В его взгляде был разум. Насмешливый, древний, все понимающий разум. Он все знал. Он с самого начала знал про их жалкую ловушку. Он не бежал от них. Он играл с ними.

Он мотнул своей огромной головой. Затем, не издав ни звука, он опустил ее и пошел на них. Не побежал. Не бросился в атаку. Он просто пошел. Неумолимо. Как движется ледник, как сходит лавина. И Яромир понял, что сейчас они умрут. Это был конец. Первая попытка загнать Хозяина леса обернулась тем, что Хозяин загнал их самих. И ловушка в буреломе захлопнулась. Только не для него. А для них.

Глава 2

3

. Последний рассвет Гостомысла

Ночь перед охотой была беззвездной и душной. Низкие, тяжелые облака плотно укутали небо, и тьма в лесу стала абсолютной, бархатной, в которой тонули и звуки, и мысли. В избе было жарко от сильно растопленного очага. Они сделали все, что могли: выследили зверя до места его лежки, наметили план загона, подготовили оружие – заточили кремневые наконечники копий до остроты бритвы, проверили каждый узел на тетиве лука Велеслава. Теперь оставалось только ждать рассвета. И это ожидание было хуже самой схватки.

Никто не спал.

Ратибор лежал на шкурах, закинув руки за голову, и смотрел в потолок, на котором плясали багровые отблески огня. Его лицо было напряженным, на губах застыла жесткая усмешка – маска, за которой скрывалось лихорадочное возбуждение. Завтрашняя охота была его идеей, его вызовом осторожности Яромира. Он добился своего, и теперь на нем лежала вся тяжесть этого решения.

Велеслав сидел в стороне, в самой темной части избы, и, казалось, дремал. Но его неподвижность была обманчивой, как у змеи перед броском. Он был весь там, снаружи, он слушал ночь. И то, что он слышал, отражалось на его лице мрачной тенью. Ночь молчала. А когда лес молчит – это самый дурной знак.

Яромир сидел у огня, методично и медленно обматывая древко своего копья тонкой кожаной полоской для более крепкого хвата. Его движения были спокойными, но в этом спо-

койствии сквозила тяжелая, свинцовая дума. Он все еще сомневался. Их план был дерзким, но в нем было слишком много "если". Если лось пойдет куда надо. Если они не споткнутся. Если копье войдет под правильным углом. Слишком много. Цена ошибки – жизнь.

А Гостомысл… он не мог найти себе места. Он то подходил к очагу, то садился на лавку, то принимался перепроверять свою тяжелую, окованную железом дубину. Его простодушное, открытое лицо было бледным, а в синих глазах плескалась неприкрытая, почти детская тревога.

– Ты бы поспал, Гостушка, – нарушил молчание Яромир, не отрываясь от своего занятия. – Завтра силы понадобятся.

– Не могу, – честно признался Гостомысл, садясь рядом с ним на пол. – Не спится. Мысли в голову лезут… разные.

Он помолчал, глядя в огонь.

– Я тут думал… Вот убьем мы его завтра… Мяса будет – на всю зиму хватит. Шкура теплая. С рогов можно рукоятки для ножей сделать. Мы ведь… героями вернемся, правда?

В его голосе было столько наивной, отчаянной надежды, что у Яромира защемило в груди. Он не мог врать ему. Но и убивать эту надежду было жестоко.

– Если убьем, – ровно ответил он. – Сначала надо убить.

– Да убьем! – вдруг раздался с лежанки голос Ратибора. – Загоним, как барана! Я лично ему глотку перережу! Хватит уже сопли жевать! Либо мы его, либо он нас! Вот и весь сказ!

– Тише ты, – прошипел Велеслав из темноты. – Не буди лихо, пока оно тихо. Не говори о звере так, будто он уже мертвый. Он слышит. Дух его все слышит.

– А я тебе говорю, завтра он будет мертвее дохлой крысы! – огрызнулся Ратибор.

Гостомысл съежился от их перепалки.

– Яромир, – тихо позвал он, и в его голосе появились странные, плаксивые нотки. – Мне сегодня сон приснился. Будто иду я по полю, а оно все белым-бело. То ли снег, то ли туман. И мать меня зовет. Так ласково… Говорит: "Иди домой, сынок, хватит уже гулять, стынет все". А я иду, иду, а дойти не могу. И мне так холодно стало во сне…

Яромир перестал обматывать копье. Он посмотрел на Гостомыла. Его большое, сильное, почти мужское тело, и эти испуганные, детские глаза. Он вдруг почувствовал острое, пронзительное чувство вины. Зачем они взяли его сюда? Зачем он, Яромир, не настоял, чтобы Гостомысл остался в избе? Этот парень не был создан для такой жизни. Его место было там, в деревне. У печи, рядом с матерью, с псом Бураном, с той самой Радой…

– Это просто сон, Гостомысл, – мягко сказал он. – От голода и усталости всякое привидится.

– Нет, – покачал головой парень. – Это был не просто сон. Я проснулся, а холод остался. Прямо вот здесь, – он прижал руку к груди. – Будто мне льдинку туда положили.

Он вытащил из-за пазухи маленькую, неуклюжую деревянную лошадку, которую вырезал для сестры. Повертел ее в своих больших, грубых пальцах.

– Яромир… Если… если со мной что-то случится завтра…

– Ничего с тобой не случится, – твердо, почти грубо, оборвал его Яромир. – Держись рядом со мной и делай, что я скажу. И все будет хорошо.

– Нет, ты послушай, – Гостомысл посмотрел ему прямо в глаза, и во взгляде его была странная, взрослая серьезность. – Если так выйдет… что я не вернусь… Ты отдай эту лошадку Оленке, ладно? Скажи, от меня. И… и матери с отцом скажи, что я… что я не боялся. Соври, ладно? Скажи, что я был храбрым.

– Гостомысл, прекрати, – голос Яромира дрогнул. – Не смей прощаться. Слышишь? Мы вернемся все вместе. Все четверо. И ты сам отдашь свою лошадку сестре.

Гостомысл посмотрел на него долгим, благодарным взглядом. Он кивнул, но было видно, что он не поверил. Он словно уже знал свою судьбу. Он не боялся. Он просто принимал ее.

Он спрятал лошадку обратно за пазуху.

– Ладно. Я попробую поспать.

Он ушел на лежанку и завернулся в шкуру. Вскоре его дыхание стало ровным, но Яромир знал, что он не спит. Он просто лежит с закрытыми глазами, видя перед собой то белое, холодное поле из своего сна.

Тишина в избе снова стала тяжелой. Но теперь к ней примешалось нечто новое. Предчувствие беды стало почти осязаемым. Оно сидело вместе с ними у огня, заглядывало им в глаза и молча улыбалось своей беззубой улыбкой.

Ратибор перестал усмехаться и отвернулся к стене. Яромир отложил копье. Работа не шла. Он просто смотрел в огонь, и перед его глазами стояло бледное, серьезное лицо Гостомысла и его по-детски наивная просьба: "Соври, ладно?".

Рассвет начал пробиваться сквозь щели, окрашивая избу в мертвенно-серый, предсмертный цвет. Это был последний рассвет, который они встречали вчетвером. Последний рассвет Гостомысла. И хотя никто из них еще не знал этого наверняка, каждый, в глубине своей заледеневшей от дурных предчувствий души, чувствовал это с абсолютной, ужасающей ясностью. Ночь прощания закончилась. Наступало утро расплаты.

Глава 2

4

. Ярость сохатого

Лес на рассвете был похож на декорацию к погребению. Холодный, сырой туман цеплялся за деревья рваными клочьями, и каждый звук – хруст ветки под ногой, тревожный крик потревоженной сойки – отдавался в напряженной тишине, как удар колокола. Они шли по следу, и этот след, четкий, огромный, вел их, словно нить судьбы, к неминуемой развязке.

План был прост и дерзок, как сама юность. Загнать. Загнать зверя в узкое ущелье, зажатое между двумя скальными выходами, где ему негде будет развернуться, и там, лишив его пространства, нанести решающий удар. Ратибор и Гостомысл должны были идти по флангам, поднимая шум, пугая, направляя. А Яромир с Велеславом – ждать в засаде, у самого входа в ущелье, чтобы встретить зверя копьями.

Все пошло не так с самого начала.

Они гнали его уже больше часа, и лось, казалось, играл с ними. Он не бежал. Он шел тяжелой, упругой трусцой, держась впереди ровно настолько, чтобы они не теряли его из виду, но и не могли приблизиться. Он вел их, петляя, изматывая, заставляя их спотыкаться о корни, продираться сквозь колючий кустарник. Возбуждение охоты сменилось тяжелой, выматывающей работой, от которой в легких горело огнем, а ноги наливались свинцом.

– Он уходит! – хрипло крикнул Ратибор, появляясь из тумана. Лицо его было мокрым от пота и злым. – Мы его теряем! Он уводит нас от ущелья!

– Нет! – крикнул в ответ Яромир. Он увидел то, чего не заметил Ратибор. – Он делает круг! Он возвращается! Гоните его сильнее! К скалам!

Лось действительно начал заворачивать. И тут они поняли его дьявольскую хитрость. Он не бежал от них. Он гнал их сам. Он завел их в самый бурелом, в хаос из поваленных вековых деревьев, где человек был неповоротлив и слаб.

– Гостомысл! Где ты?! – крикнул Яромир, пытаясь перекричать треск ломаемых веток.

– Я здесь! – донеслось слева. – Я вижу его! Он идет прямо на вас!

И в этот момент лось вышел. Он появился из тумана не как загнанный зверь, а как король, вышедший на смотр своих владений. Он остановился в двадцати шагах от них, на небольшой прогалине. Туман клубился у его ног, и он казался видением, духом леса, воплощенным в плоть и ярость. Он тяжело дышал, раздувая ноздри, и его маленькие, черные глаза горели не страхом, а чистой, концентрированной ненавистью.

– Вот он, – выдохнул Яромир, поднимая копье. Рядом с ним, бесшумно, как тень, встал Велеслав с натянутым луком. – Сейчас…

Он ждал, когда загонщики выйдут с флангов, чтобы окружить зверя. Но загонщики не вышли.

– Ратибор! – заорал Яромир, не сводя глаз с лося.

Тишина.

Вместо ответа, слева, со стороны Гостомыла, раздался отчаянный, полный ужаса вскрик. А потом – глухой удар и треск.

Яромир на долю секунды обернулся. То, что он увидел, заставило его сердце остановиться. Гостомыл лежал на земле, придавленный стволом старой, подгнившей ольхи. Огромное дерево, которое держалось на честном слове, рухнуло, срезанное то ли неосторожным движением, то ли самим лосем, который проломился сквозь него. Гостомысл не был раздавлен насмерть, но его ноги оказались в ловушке. Он был жив, но абсолютно беспомощен.

И лось увидел это.

Он повернул свою массивную голову. На мгновение он словно забыл о тех двоих, что стояли перед ним. Его древний инстинкт выбрал самую легкую, самую уязвимую жертву.

– Нет… – прошептал Яромир.

Все произошло в одно мгновение. Зверь издал короткий, хриплый, похожий на кашель рев. Это был боевой клич. Клич ярости. Он опустил свою увенчанную рогами голову и бросился. Не побежал – он стартовал, как выпущенный из пращи камень. Земля загудела под его копытами.

– Велеслав, стреляй! – заорал Яромир.

Просвистела стрела. Она ударила лося в бок, но отскочила от толстой, свалявшейся шерсти и шкуры, не причинив вреда. Как горошина от каменной стены.

Зверь даже не заметил этого. Все его существо, вся его полутонная масса была устремлена к одной цели – к беспомощному, кричащему от ужаса и боли человеку на земле.

В голове у Яромира не было мыслей. Лишь одна, пульсирующая, огненная вспышка: "Нельзя. Не допустить". Он увидел бледное, искаженное лицо Гостомыла, вспомнил его просьбу "Соври, что я был храбрым". И он понял, что не сможет с этим жить. Не сможет вернуться и рассказать, как они стояли и смотрели.

Инстинкт оказался быстрее страха.

– За мной! – крикнул он Велеславу и, издав дикий, яростный вопль, чтобы отвлечь зверя, бросился ему наперерез.

Он не бежал на лося. Он бежал к Гостомылу. Это было самоубийство. Безумие. Но другого выхода он не видел.

Лось, раздраженный новым движением, на мгновение замедлился, поворачивая голову в его сторону. И этого мгновения хватило.

– Гостомыл, ползи! – кричал Яромир, на бегу видя, как парень отчаянно пытается высвободиться, скребет землю пальцами.

Но тут на поляну вылетел Ратибор. Он был весь в грязи, одежда разорвана. Он увидел лежащего Гостомысла, несущегося на него лося и Яромира, который пытался его перехватить. На его лице отразился ужас.

– Дурак! – заорал он и, не раздумывая, метнул свое копье.

Копье ударило лося в бедро. Кремневый наконечник пробил шкуру, вошел в мышцы. Это не была смертельная рана, но это была боль. Острая, злая боль.

Лось взревел. Но теперь это был не боевой клич. Это был рев раненого, взбешенного до последней степени зверя. Он забыл обо всех. Боль указывала на новую цель. Он развернулся, выдернул из раны мешающее ему древко одним движением головы, и посмотрел на Ратибора. Посмотрел так, что у того похолодело внутри.

– Ратибор, беги! – крикнул Яромир.

Но Ратибор стоял, как завороженный, сжимая в руке бесполезный топор. Он никогда в жизни не видел такой концентрированной ненависти.

А Яромир уже добежал до Гостомыла. Он уперся плечом в ствол дерева.

– Толкай! – закричал он.

Они толкали вместе. От напряжения темнело в глазах. Дерево, тяжелое, мокрое, не поддавалось.

Лось сделал первый шаг к Ратибору. Медленный. Тяжелый. Шаг самой смерти.

И тут Гостомысл, видя, что происходит, видя, как лось сейчас убьет Ратибора, который пытался его спасти, сделал то, чего не ожидал никто. Он перестал толкать.

– Яромир… лошадка… – прошептал он, и его рука шарила за пазухой.

Он посмотрел на зверя. И вдруг, собрав последние силы, он закричал. Пронзительно, вызывающе.

– Эй! Урод рогатый! Я здесь!

Вся ярость сохатого, все его существо было направлено на Ратибора. Но этот новый, отчаянный крик, крик с самой кромки могилы, заставил его обернуться. Он снова увидел свою первую, самую легкую жертву. Зачем гоняться за тем, кто бегает, если есть тот, кто лежит? Древний хищнический инстинкт взял верх.

– Нет! Гостомысл, молчи! – закричал Яромир.

Но было поздно.

Лось забыл о Ратиборе. Он развернулся и тремя прыжками оказался у поваленного дерева. Он встал над лежащим парнем, как темная гора. Гостомыл смотрел на него снизу вверх. И в его глазах больше не было страха. Лишь какое-то тихое, обреченное смирение.

Лось опустил голову. Удар. Один, короткий, сокрушающий. Острый, как нож, край копыта ударил Гостомысла в грудь. Хруст ломаемых ребер был слышен даже сквозь шум в ушах Яромира.

Зверь поднял голову, посмотрел на застывших в ужасе людей. Он сделал свое дело. Он наказал того, кто был слабее. Он утвердил свой закон.

Затем он спокойно, без суеты, развернулся и скрылся в тумане.

На поляне воцарилась тишина. Мертвая. Яромир упал на колени рядом с Гостомыслом. Тело его было неестественно изогнуто. Из разбитой груди текла темная, густая кровь. Но он был еще жив. Его глаза были открыты и смотрели в серое, безразличное небо. Губы его шевелились.

Яромир наклонился.

—…Скажи… им… что я… не… боялся… – прошептал он.

Изо рта у него хлынула кровь. Тело в последний раз содрогнулось и обмякло.

Все было кончено.

Ярость сохатого прошла. А для них только что начался настоящий ад. Ад вины, горя и осознания того, какую страшную цену они заплатили за свою самонадеянность.

Глава 2

5

. Последние слова

Тишина, обрушившаяся на поляну после ухода лося, была густой и тяжелой, как болотная вода. Казалось, сам лес затаил дыхание, превратившись в безмолвного свидетеля человеческой трагедии. Время остановилось. Не было ни прошлого, ни будущего, лишь одно страшное, кровавое "сейчас".

Яромир не помнил, как добежал. Ноги двигались сами, пока весь его мир сузился до одной точки – до распластанного на траве тела, которое еще минуту назад было их другом. Он упал на колени рядом. Воздух пах кровью. Густой, сладковатый, металлический запах, от которого сводило нутро.

Гостомысл был жив. Едва-едва. Словно тонкая ниточка, которая вот-вот порвется. Его глаза, обычно ясные и синие, как васильки во ржи, теперь были затянуты мутной пеленой боли. Они блуждали, не фокусируясь, пытаясь уцепиться за серое, безразличное небо над головой. Грудь его была неестественно вдавлена, и с каждым коротким, хриплым вздохом из его рта вырывалось облачко кровавой пены.

– Гостушка… – выдохнул Яромир, протягивая руку, но не решаясь дотронуться, боясь причинить еще большую боль, боясь сломать то, что уже было безвозвратно сломано.

Подошли Велеслав и Ратибор. Велеслав, увидев рану, медленно снял шапку, его лицо превратилось в скорбную, безмолвную маску. Даже Ратибор, всегдашний циник и задира, стоял как окаменевший, и его загорелое, обветренное лицо стало цвета глины. Он смотрел на дело своих рук, на результат своей гордыни, и вся его бравада рассыпалась в прах.

– Он… – начал Гостомылс, и каждое слово было для него пыткой. Изо рта хлынула новая волна крови. – Он… сильный…

– Тише, Гостомысл, тише, – Яромир наклонился к нему, его голос был глухим и сдавленным. – Не говори. Береги силы. Мы… мы сейчас…

"Что мы сейчас?" – пронеслось в его голове. Что он мог сделать? Что-то перевязать? Наложить траву? Это была не рана, это было месиво из костей, плоти и отчаяния. Он был абсолютно, унизительно беспомощен.

– Велеслав… – умоляюще прошептал он, оборачиваясь.

Велеслав медленно покачал головой. "Ничего," – говорили его глаза. "Только проводить".

– Холодно… – прошептал Гостомылс. Его тело била крупная дрожь, несмотря на то, что кровь его пропитала одежду. – Яр… Мне холодно…

Яромир, не раздумывая, сорвал с себя свой теплый тулуп и накрыл его.

– Вот так… так лучше?

Гостомысл на мгновение сфокусировал на нем взгляд. В глубине его зрачков, за пеленой боли, промелькнуло узнавание.

– Лошадка… – он попытался поднять руку к своей груди, но она бессильно упала.

Яромир сам полез ему за пазуху, стараясь не причинять боли. Его пальцы нащупали что-то твердое, мокрое и липкое от крови. Он вытащил два обломка дерева. Поломанная фигурка, в которую этот добрый, наивный парень вложил всю свою мечту о возвращении.

– Здесь, – Яромир сжал обломки в своей ладони и поднес к лицу Гостомысла. – Я ее сохранил.

Гостомысл посмотрел на деревяшку. Уголки его окровавленных губ дрогнули в подобии слабой, детской улыбки.

– Хорошо… Отдай… Оленке…

– Ты сам ей отдашь, слышишь? – голос Яромира дрожал. – Ты поправишься, и мы вернемся, и ты сам…

– Не ври, – тихо, но на удивление твердо сказал Гостомылс. – Не надо. Не сейчас…

Он сделал глубокий, булькающий вдох.

– Скажи им… – начал он. Он говорил с паузами, собирая остатки уходящей жизни. – Отцу… и маме… что я…

Он замолчал, закашлявшись кровью.

– Что, Гостушка? Что сказать? – Яромир наклонился еще ниже, почти касаясь его лба своим.

– Скажи… что не жалею. Что я… пошел… чтобы… чтобы стать мужчиной. Получилось?

И в этом вопросе было все. Вся его жизнь, вся его простая и незамысловатая философия. Вся его жертва. Он не просил соврать о его храбрости. Он спрашивал, не напрасной ли была его смерть.

Яромир посмотрел на его разбитое тело, на мутные от боли глаза. Он вспомнил, как Гостомылс в отчаянии крикнул, отвлекая зверя на себя, спасая Ратибора, спасая их всех.

– Да, – твердо и ясно сказал Яромир, глядя ему прямо в душу. – Да, Гостомысл. Ты – мужчина. Самый храбрый мужчина, которого я знал.

Что-то в глазах Гостомысла изменилось. Пелена боли на мгновение отступила, и в них проступило облегчение. Спокойствие. Он услышал то, что хотел. Его жизнь, его смерть – все обрело смысл.

– Спасибо…

Его взгляд расфокусировался. Он смотрел теперь не на Яромира, а сквозь него. В то серое, равнодушное небо.

– Мама… – прошелестели его губы. – Я иду… Поле… такое белое…

Дыхание его стало реже. Тело в последний раз слабо содрогнулось. Из уголка глаза выкатилась одна-единственная слеза и смешалась с кровью и грязью на его щеке. И все.

Тишина.

Ничего не изменилось. Все так же капала с листьев роса. Все так же шелестел ветер в верхушках деревьев. Но в этой тишине было на одного живого человека меньше.

Яромир не двигался. Он все еще держал его, уже остывающее тело, в своих объятиях, баюкая его, как ребенка. Он не плакал. Слезы застыли где-то внутри, превратившись в кусок льда. Он смотрел на спокойное, почти умиротворенное лицо своего друга.

Из-за его спины послышался сдавленный, похожий на скулеж раненого щенка звук. Это плакал Ратибор. Открыто, не стыдясь, закрыв лицо руками. Плакал от ужаса, от вины, от беспомощности. Велеслав стоял рядом, положив ему руку на плечо, и молча смотрел на небо.

Яромир осторожно положил голову Гостомысла на землю. Закрыл ему глаза. Сжал в кулаке обломки деревянной лошадки. Испытание леса, о котором говорил Сидор, закончилось. И они его не прошли. Цена их науки, цена их гордыни и их глупости лежала перед ними. Безмолвная. Остывающая. Окончательная. Последние слова были сказаны. Впереди было только молчание. И долгая дорога с этим молчанием в сердце.

Глава 26. Цена мяса

Мир вернулся в движение резким, звериным ревом. Лось, убив Гостомысла, не ушел. Он утвердил свое господство, устранив самую легкую угрозу, и теперь, взбешенный, раненый и опьяненный кровью, он развернулся к оставшимся. Его черные, лишенные разума глаза остановились на Яромире, склонившемся над телом друга.

Время для горя и шока кончилось. Инстинкт, холодный и острый, как осколок льда, пронзил сознание Яромира. Он вскочил, выставляя перед собой копье. Он видел не зверя. Он видел убийцу. И в нем не осталось ничего, кроме одного первобытного желания – убить в ответ.

– Ратибор! Велеслав! В ущелье! – заорал он, не оборачиваясь. – Гоните его!

Лось, тяжело дыша, сделал первый шаг. Яромир начал медленно отступать, не сводя глаз со зверя, ведя его за собой, уводя от тела Гостомысла, к той самой ловушке, которая должна была сработать раньше.

Ратибор, которого смерть товарища вырвала из ступора, отреагировал первым. В его глазах полыхал безумный, отчаянный огонь. Это был его шанс. Не искупить вину – такое не искупишь. А отомстить.

– Ах ты, тварь! – взвыл он и, схватив свою дубину, бросился в сторону, заходя зверю с фланга, крича и колотя по деревьям.

Лось, раздраженный шумом, мотнул головой, но продолжал идти на Яромира.

И тут запела тетива. Стрела Велеслава, пущенная с ледяным спокойствием, вонзилась точно в глаз зверя.

Рев, который вырвался из глотки лося, был не похож ни на что, слышанное ими ранее. Это был звук самой боли, оглушающий, разрывающий перепонки. Зверь вздыбился, затряс головой, пытаясь избавиться от стрелы. Из выбитого глаза хлынула темная кровь. Ослепленный на одну сторону, дезориентированный, он начал метаться по поляне, круша все на своем пути.

– Сейчас! – крикнул Яромир. – Гоним!

Теперь все изменилось. Зверь был ранен. Он был опасен, как никогда, но он стал уязвим. Они втроем, действуя со слаженностью, рожденной отчаянием, начали теснить его. Яромир – впереди, Ратибор и Велеслав – с боков. Они гнали его криками, ударами по стволам, постоянным движением, не давая опомниться. И лось, ослепленный болью и яростью, поддался. Он пошел туда, где, как ему казалось, было спасение – в темный, узкий проход ущелья.

Когда его массивное тело скрылось в теснине, Яромир заорал:

– Камни! Тащите все, что сможете! Завалим выход!

Они работали, как одержимые. Таскали валуны, валили сухие стволы, создавая на выходе из ущелья баррикаду. Из глубины доносился рев и треск – зверь в ярости ломал все вокруг, но выбраться уже не мог. Он был в ловушке.

Когда выход был завален, они, задыхаясь, рухнули на землю. Адреналин отхлынул, оставляя после себя звенящую пустоту и оглушающую усталость.

– Мы… мы сделали это, – выдохнул Ратибор, глядя на свои разбитые в кровь руки.

– Еще нет, – ответил Яромир. – Он жив. И он в ярости.

Они осторожно подошли к краю ущелья и заглянули вниз. Картина была страшной. Лось метался в узком пространстве, как демон в аду. Он рыл землю копытами, бодал скалы, от которых отлетали куски камня. Его единственный глаз горел красным огнем.

– Сверху, – сказал Яромир. – Только сверху.

Они начали свою страшную работу. Подтаскивали к краю тяжелые камни и сбрасывали их вниз. Первый камень глухо ударился о спину зверя. Тот взревел, но не мог понять, откуда исходит угроза. Второй. Третий. Каждый удар вызывал новый взрыв ярости. Они швыряли камни, пока руки не отказались служить. Но лось все еще был жив. Он был изранен, избит, но стоял на ногах, и в нем клокотала несокрушимая жизненная сила.

– Копья, – сказал Яромир. – Теперь копья.

Это была казнь. Долгая, жестокая, кровавая. Они стояли на краю и методично, один за другим, метали вниз свои копья. Каждый удар вырывал у зверя рев, полный боли и бессилия. Ущелье превратилось в кровавую бойню. Наконец, когда Ратибор, собрав последние силы, метнул свое копье, и оно, войдя зверю под лопатку, заставило его пошатнуться, наступил перелом.

Лось рухнул на колени. Он тяжело дышал, из его ноздрей и ран текла кровь, смешиваясь с грязью. Он сделал последнюю попытку подняться, но силы оставили его. Он замер, потом медленно, тяжело завалился на бок. Еще несколько раз его тело содрогнулось в конвульсиях, и все стихло.

Победа.

Они стояли на краю ущелья, глядя на поверженное тело врага. Молча. Никто не кричал от радости. Никто не чувствовал триумфа. Пустота. Всепоглощающая, ледяная пустота.

Они спустились вниз. Зверь был огромен. Даже мертвый, он внушал трепет. Его тело было истыкано копьями, покрыто ранами и кровоподтеками. Яромир подошел и положил руку на его еще теплую шерсть.

– Прости, – прошептал он, сам не зная, кому говорит. Зверю? Лесу? Самому себе?

– Мясо… – глухо сказал Ратибор, глядя на тушу. – Много мяса… На всю зиму.

Да. Мясо. Цель их охоты. Причина, по которой они пошли на этот риск. Они победили. Они обеспечили себе выживание.

Но когда Яромир обернулся и посмотрел туда, где на поляне, под его тулупом, лежало тело их друга, он понял всю чудовищность этой сделки.

– Вот она, цена, – сказал он, ни к кому не обращаясь. Он поднял с земли окровавленный обломок деревянной лошадки. – Вот цена этого мяса.

Ратибор опустил голову. Велеслав отвернулся, и его плечи затряслись в беззвучных рыданиях.

Победа обернулась самым страшным поражением в их жизни. Они убили Хозяина леса. Но какой ценой? Они доказали, что человек, объединенный отчаянием и яростью, может одолеть даже самую могучую силу природы. Но в процессе они потеряли часть себя. Потеряли друга. Потеряли невинность.

Они стояли посреди этого кровавого ущелья, рядом с горой мяса, которое должно было стать их спасением, и чувствовали лишь одно. Горечь. Бесконечную горечь поражения. Мясо будет их кормить. Но каждый кусок, каждый глоток бульона теперь будет отдавать вкусом крови их друга. И этот вкус останется с ними навсегда. До конца их дней. Цена была уплачена сполна.

Глава 27. Погребальный костер

Ночью ударил первый заморозок. Не снег, а именно сухой, колючий мороз, который сковал землю, покрыл траву и мох хрупким, серебристым инеем и сделал воздух чистым и острым, как лезвие ножа. В избе никто не спал. Они сидели у огня, каждый погруженный в свои мысли. Сытость не принесла покоя. Наоборот, она обострила горе, сделала его яснее. Тело, получившее пищу, перестало отвлекать на себя внимание, и вся тяжесть потери обрушилась на душу.

Рядом, на лавке, укрытое чистой шкурой, лежало тело Гостомысла. Они обмыли его холодной ручьевой водой, смыли кровь и грязь. Велеслав вплел ему в волосы несколько веточек вечнозеленого можжевельника – символа вечной жизни и защиты от злых духов. Теперь он выглядел не как жертва страшной смерти, а как уставший воин, уснувший после долгого похода. Его лицо было спокойным. Та ложь, та последняя милость, подаренная Яромиром, застыла на нем печатью умиротворения.

– Нельзя его оставлять до утра, – тихо сказал Велеслав. Его голос в ночной тишине звучал, как шелест сухих листьев. – Когда приходит первый мороз, души, не нашедшие покоя, могут замерзнуть. Прирасти к земле. И никогда не уйти на ту сторону.

– Что мы должны делать? – спросил Яромир. Голова его была тяжелой, мысли путались.

– Проводить. Как положено. По древнему обычаю. Земле его предавать нельзя. Эта земля ему чужая. Она его не примет, как своего. Только огонь. Огонь очистит и унесет его дух в небо, к предкам.

– Костер? Здесь? – ужаснулся Ратибор. Он впервые заговорил за несколько часов, и голос его был хриплым.

– Да. На той поляне, где он погиб. Это будет правильно. Его душа должна уйти с места его последнего боя. С места его… храбрости.

Это была страшная, но необходимая работа. Под покровом ночи, при свете тусклой луны, пробивавшейся сквозь поредевшие облака, они начали строить погребальный костер. Они рубили сухие сосны, таскали тяжелые поленья, укладывали их высоким, аккуратным колодцем. Они работали молча, слаженно, как три тени. Их личные обиды, страхи и разногласия казались теперь такими мелкими, такими ничтожными перед лицом вечности и смерти.

Когда костер был готов, они вернулись за телом. Несли его втроем, на шкуре, как на носилках. Он был легким. Словно жизнь, покинув его, забрала с собой и весь его вес.

Они уложили его на вершину костра, головой на запад, туда, где умирает солнце. Яромир положил ему на грудь его дубину – оружие его последнего боя. Ратибор, помедлив мгновение, снял с пояса свой лучший нож с костяной рукояткой и вложил его в правую руку Гостомысла.

– Чтобы… чтобы было, чем отбиваться. Там, – глухо пояснил он, ни на кого не глядя.

Это был его жест. Его неуклюжая, запоздалая дань уважения.

Велеслав же подошел и открыл лицо мертвеца. Он наклонился и что-то долго, беззвучно шептал на ухо Гостомыслу. Слова предков. Просьбы духам. Путеводные знаки для заблудившейся души. Затем он достал из-за пазухи два маленьких плоских камушка и положил их на закрытые глаза друга.

– Чтобы не увидел по пути ничего дурного, что может утянуть его обратно.

– А… лошадка? – спросил Ратибор, вспомнив.

– Нет, – твердо ответил Яромир, рука его невольно коснулась груди, где за пазухой лежал теплый кусочек дерева. – Лошадка – для живых. Для его сестры. Это его последнее поручение. И я его выполню.

Они встали вокруг костра. Три живые, одинокие фигуры в огромном, холодном, безразличном лесу.

– Кто зажжет? – спросил Велеслав.

Яромир посмотрел на Ратибора.

– Ты.

Ратибор вздрогнул.

– Я? Почему я?

– Ты хотел этой охоты, – тихо, но жестко ответил Яромир. – Ты жаждал победы. Ты подтолкнул его к этому. Зажги. Это твое право. И твое проклятие. Прими его.

Ратибор смотрел на Яромира, и в его глазах плескалась смесь ужаса, ненависти и… странного, искаженного понимания. Он понял. Яромир не мстил ему. Он заставлял его повзрослеть. Он заставлял его взять на себя ответственность.

Дрожащей рукой Ратибор высек искру. Сухой мох, подложенный в основание костра, вспыхнул. Маленький огонек побежал по смолистым поленьям, сначала неуверенно, а потом все быстрее и яростнее.

Пламя взметнулось в ночное небо, разгоняя тьму. Оно с ревом и треском пожирало сухое дерево. Тени от трех стоящих фигур заплясали на стволах деревьев, превращаясь в гигантских, скорбных идолов. В свете огня лицо Гостомысла на мгновение показалось живым. Казалось, он улыбается своей простой, доброй улыбкой. А потом пламя окутало его, скрыв от их глаз навсегда.

Они стояли, не шевелясь, зачарованные этим страшным, величественным зрелищем. Огонь очищал. Он сжигал не только плоть, но и их собственную вину, их ссоры, их обиды.

– Уходи с миром, брат, – прошептал Велеслав.

Яромир молчал. Он смотрел в самое сердце огня, и перед его глазами стояло не тело, а живой Гостомылс. Неуклюжий, добрый, мечтательный. Тот, что рассказывал про собаку, про мать, про девушку Раду. Он прощался не с мертвецом. Он прощался с другом. И это было невыносимо больно.

И тут он услышал рядом тихий, сдавленный звук. Он обернулся. Ратибор стоял, закрыв лицо руками, и его широкие плечи сотрясались от беззвучных, судорожных рыданий. Впервые за всю их жизнь Яромир видел, как он плачет. Не от боли. Не от злости. От горя.

Этот сильный, гордый, жестокий парень, которого с детства учили бить первым и не показывать слабости, сломался. В этот момент, перед лицом смерти и огня, вся его напускная броня расплавилась и стекла, обнажив то, что было под ней – такого же, как они, напуганного, одинокого, потерянного мальчишку.

Яромир молча подошел и положил ему руку на плечо. Не хлопая, не утешая. Просто – положил. И Ратибор не отшатнулся. Он лишь сильнее ссутулился под тяжестью этой руки и собственного горя.

Они стояли так, втроем, глядя на погребальный костер своего товарища. Живые. И объединенные не общей победой, а общей, невыносимой потерей. Огонь догорал. Утро было уже близко. Но для них троих эта ночь изменила все. Они вошли в нее вчетвером, как мальчишки, играющие в охотников. А вышли из нее – трое. Мужчины, познавшие истинную цену мяса. И истинную цену жизни. И смерти.

Глава
28
. Три тени

Утро пришло блеклое, серое, словно выцветшее. Оно принесло с собой не облегчение, а звенящую, опустошенную тишину. Костер на поляне догорел. От него остался лишь круг черной, выжженной земли и горстка седого пепла, который лениво шевелил утренний ветерок. От Гостомысла не осталось ничего. Лишь воспоминания и четвертая, пустующая лавка в избе.

Они вернулись в свой временный дом, как три старика, ссутулившиеся под невидимым грузом. Изба встретила их холодом и пустотой. Огонь в очаге почти погас, едва теплился, как и жизнь в них самих. И тишина, которая поселилась здесь, была не просто отсутствием звуков. Она стала физической. Она давила на плечи, забивалась в уши, мешала дышать. Это была тишина утраты.

Раньше в избе было четыре человека. Четыре разных дыхания, четыре разных ритма жизни. Шорох одежды, покашливание, тихое бормотание. Теперь одного не хватало. И эта дыра в звуковом полотне их маленького мира была оглушительной. Они постоянно ждали. Ждали, что сейчас хлопнет дверь, и на пороге появится неуклюжая, большая фигура. Что сейчас раздастся его простой, добродушный смех или наивный вопрос. Но изба молчала. И это молчание кричало о том, что он не придет. Никогда.

Дни превратились в безвременье. Они двигались, как во сне, выполняя необходимую работу на автомате. Рубили дрова. Носили воду. Поддерживали огонь. Ели. Мясо лося, которое теперь казалось безвкусным, как трава, они заставляли себя есть. Потому что так было надо. Потому что этого требовала жертва, принесенная ради него.

Но они не разговаривали.

Это не было умышленным молчанием. Слова просто умерли. О чем можно было говорить? О погоде? О том, что нужно чинить крышу? Это казалось кощунством. Любое будничное слово было предательством по отношению к тому, кто уже никогда ничего не скажет. Обвинять друг друга? В этом не было смысла. Все трое были виновны. Яромир – в своей уступчивости. Ратибор – в своей гордыне. Велеслав – в том, что его предупреждения оказались бесполезны. Вина, как яд, разлилась между ними, и противоядия не было.

Они стали тремя тенями, скользящими по избе.

Яромир большую часть времени проводил за работой. Он с остервенением разделывал мясо, солил его остатками соли, вялил над огнем, заготавливая впрок. В этом механическом, кровавом труде он искал забвения. Но стоило ему на мгновение остановиться, как перед его глазами вставало лицо Гостомыса и звучал его предсмертный шепот: "Я был храбрым?". И он снова брался за нож, пытаясь вырезать эту память из своего сердца, как вырезал жилы из мяса.

Велеслав уходил в лес. Он бродил по нему часами, один, собирая какие-то травы, коренья. Но казалось, он искал не еду, а ответы. Он разговаривал с деревьями, с ветром. Он пытался прочитать в переплетении ветвей хоть какой-то смысл, хоть какое-то оправдание случившейся трагедии. Но лес молчал, храня свои тайны. И Велеслав возвращался в избу с пустыми руками и еще более темным взглядом.

Ратибор… Он изменился больше всех. Он не плакал больше. Но та ночная истерика у погребального костра сломала в нем стержень. Он перестал быть хищником. Вся его напускная злость, вся его бравада исчезли, уступив место тяжелой, гнетущей апатии. Он почти не ел. Сидел часами на своей лежанке, уставившись в стену, и молчал. Он прокручивал в голове снова и снова. Тот спор. Свой уход. Лося. Удар. Крик. Он искал тот момент, ту развилку, где все пошло не так. Где можно было повернуть. Но прошлое не имело сослагательного наклонения. И это осознание давило его, как могильная плита.

Однажды вечером Яромир, не выдержав этой пытки молчанием, подошел к нему. Ратибор сидел, ссутулившись, в своем углу.

– Надо поговорить, – глухо сказал Яромир.

Ратибор медленно поднял на него пустые, выжженные глаза.

– О чем? – его голос был бесцветным.

– О том, что будет дальше. Мы не можем так. Это… это не жизнь. Мы пожираем себя изнутри. Молчанием.

Ратибор криво усмехнулся.

– А что ты хочешь услышать, вожак? Извинения? Раскаяние? Хочешь, чтобы я на колени перед тобой упал и выл, какой я подонок?

– Я хочу, чтобы ты снова стал живым, – жестко ответил Яромир. – Я хочу, чтобы ты или кричал, или дрался, или делал хоть что-то! А не сидел здесь, как кусок мяса, ожидая, пока сгниешь.

– А я уже сгнил, – тихо сказал Ратибор. – Там, в болоте. Ты вытащил тело. А все, что было внутри, там и осталось.

– Ложь. Если бы там все осталось, ты бы не плакал у костра.

Ратибор вздрогнул, как от удара.

– Я…

– Ты не железный, Ратибор. Никто из нас. Мы все виноваты. Все. Я – потому что позволил охоту. Велеслав – потому что не настоял на своем. Ты – потому что затеял все это. А Гостомылс… он виноват лишь в том, что у него было слишком большое и слишком доброе сердце для этого мира. И теперь нам с этим жить. Вместе. Понимаешь? Либо мы вытащим друг друга из этой ямы, либо ляжем в нее все трое, один за другим.

Ратибор долго молчал, глядя себе на руки.

– Я каждую ночь вижу его, – прошептал он. – Как он падает. Снова, и снова, и снова. И я слышу этот звук. Хруст… Я…

Он не договорил, задохнувшись.

– И я вижу, – так же тихо ответил Яромир. – И слышу. И Велеслав тоже, я уверен. Этот звук теперь всегда будет с нами. Это наша плата. Наша ноша. И мы либо понесем ее вместе, либо она нас раздавит поодиночке.

Он протянул Ратибору руку.

– Хватит сидеть в углу. Садись к огню. Ты один из нас. Хочешь ты этого или нет.

Ратибор смотрел на его протянутую руку, на эти мозолистые, сильные пальцы. Он смотрел на нее, как утопающий на брошенный ему спасательный круг. Он боролся с собой. Его гордыня, его привычка быть одиночкой, его ненависть к Яромиру – все это еще было живо. Но что-то другое, что-то человеческое, что-то, что хотело жить, оказалось сильнее.

Медленно, с огромным усилием, он вложил свою ладонь в ладонь Яромира.

Яромир крепко сжал ее и помог ему встать.

В тот вечер Ратибор сел вместе со всеми у огня. Он все еще молчал. Но это было уже другое молчание. Не стена, а просто тишина. Тишина человека, который начал свой долгий, мучительный путь из темноты.

Тишина в избе не стала менее невыносимой. Горе никуда не ушло. Дыра, оставленная смертью Гостомысла, не затянулась. Но они перестали быть тремя отдельными тенями, каждая из которых страдает в одиночестве. Они снова стали тремя людьми, которые пытаются выжить. И в этой мертвой, звенящей тишине зародилось нечто новое. Хрупкое, как росток, пробивающийся сквозь камень. Осознание. Что единственное, что у них осталось – это они сами. Друг у друга. И это было одновременно и их проклятием, и их единственной надеждой.

Глава 29. Вина

Слова были сказаны. Рукопожатие состоялось. Но стена, пусть и давшая трещину, не рухнула. Ибо каждый из них остался наедине со своим главным мучителем, который не отпускал ни днем, ни ночью. С собственной виной. Она была разной, имела свой вкус, свой цвет и свой голос, и каждый вел с ней свой безмолвный, изнуряющий диалог.

Яромир: Вина ответственности.

Для Яромира вина была тяжелым, холодным камнем, лежащим на сердце. Она не кричала, не обвиняла. Она просто была. Она проявлялась в мелочах. Он просыпался среди ночи от кошмара, в котором он снова и снова кричит Гостомыслу "в стороны!", но звук застревает в горле. Он садился, проводил рукой по лицу и долго смотрел на пустующую лежанку.

Его диалог с виной был молчаливым спором с самим собой.

"Ты – вожак", – говорил внутренний голос, холодный и беспощадный, как голос Сидора. – "Пусть и самозваный. Они доверились тебе. А ты поддался. Ты позволил гордыне одного и страху другого затмить твой собственный разум. Ты знал, что это безумие. Знал. Но промолчал. Уступил. Чтобы сохранить хрупкий мир в стае".

"Но что я мог?" – мысленно возражал он, переворачивая над огнем куски вяленого мяса. – "Силой его удержать? Устроить драку? Это бы раскололо нас еще до охоты".

"Ты мог быть тверже. Ты мог приказать. Они бы послушались. Даже Ратибор. Но ты испугался ответственности. Испугался взять на себя бремя ненависти Ратибора. Ты выбрал легкий путь. Путь компромисса. И ценой этого компромисса стала жизнь Гостомыла. Его кровь – на твоих руках. Не на рогах лося, не на топоре Ратибора. На твоих руках, "вожак"".

И он смотрел на свои ладони, большие, сильные, способные держать копье и строить дом, и они казались ему чужими, измазанными в чем-то несмываемом. Его вина была виной лидера, не сумевшего защитить. Виной отца, потерявшего сына. И она превращала каждый съеденный кусок мяса, каждый глоток воды в горькое лекарство, которое не лечило, а лишь напоминало о болезни.

Велеслав: Вина знания.

У Велеслава вина была тихой, как шелест змеи в траве. Она не давила, а отравляла. Он, который умел говорить с лесом, который читал знаки, который знал, что ворон не лжет, – он не смог предотвратить беду. Его вина была виной пророка, которому не поверили.

Его диалог был обращен к лесу.

"Я слышал тебя", – шептал он, вглядываясь в узоры мха на дереве. – "Я видел. Я чувствовал твой гнев, твое предупреждение. Я сказал им. Но мои слова были лишь ветром. Я не нашел нужных слов. Не смог достучаться".

"А ты пытался?" – отвечал ему шелест листвы. – "Или ты, в своей мудрости, решил, что глупцов учить бесполезно? Что они должны пройти свой урок сами?"

"Я не хотел конфликта, – оправдывался он, перетирая в пальцах горькую полынь. – Ратибор… он бы не послушал. Он бы лишь посмеялся".

"Но Яромир? Гостомылс? Ты мог бы сказать им. Показать им. Не намекнуть, а закричать. Ты мог бы встать в дверях и не выпустить их. Но ты смирился. Ты принял их глупость как неизбежность. Потому что тебе легче быть отстраненным мудрецом, чем ввязываться в грязную человеческую ссору. Твое знание оказалось бессильным, потому что ты не подкрепил его действием. Ты был врачом, который поставил верный диагноз, но не дал лекарства, потому что больной отказался его пить".

И Велеслав чувствовал себя предателем. Он предал не только друзей. Он предал свой дар. Свое знание. Свой лес, который доверил ему свои тайны, а он не сумел использовать их для защиты своей маленькой, глупой человеческой стаи.

Ратибор: Вина действия.

Вина Ратибора была самой страшной. Она была яростной, кричащей, уродливой. Она была раскаленным железом, которое он сам прижимал к своей душе. Днем он пытался задавить ее работой, доводя себя до полного изнеможения. А ночью она приходила к нему в кошмарах. Он видел не лося, не кровь. Он видел глаза Гостомысла. Те самые, полные детского восторга, когда тот рассказывал о своей мечте вернуться героем. И Ратибор понимал, что это он, своими насмешками, своими упреками в трусости, своей жаждой самоутверждения, взрастил в душе этого простого парня то роковое семя тщеславия, которое и привело его к смерти.

Его диалог был бесконечным самобичеванием.

"Трус! Ты всегда был трусом!" – орал он на себя, сидя в темноте, когда другие, как ему казалось, спали. – "Ты прятался за кулаками и громким голосом! Ты его унижал, потому что завидовал! Завидовал его простоте, его доброте, тому, что его любили! Тебя же всегда только боялись!"

"Я хотел как лучше", – шептал он в ответ, вжимаясь в холодную стену. – "Я хотел добычи. Для всех. Чтобы мы выжили".

"Врешь! – выл внутренний палач. – Ты хотел доказать. Доказать Яромиру, что ты лучше. Доказать Велеславу, что ты сильнее его шепота. Ты поставил свою гордыню на кон. А заплатил за это не своей шкурой, а его жизнью! Он умер вместо тебя! Тот удар предназначался тебе, за твою наглость! А он… он просто попался на пути! Он погиб из-за тебя. Ты его убийца. Не лось. Ты!"

Эта мысль была настолько чудовищной, что он задыхался. Он вспоминал, как плакал у костра. И ему было стыдно. Не за слезы. А за то, что они так быстро высохли. Он хотел бы выть, рвать на себе волосы, биться головой о стену. Но не мог. Он был парализован своей виной. Она не просто мучила его, она его съедала. И если вина Яромира была камнем, а вина Велеслава – ядом, то вина Ратибора была раковой опухолью, которая росла, пожирая его изнутри, не оставляя ничего, кроме пустой, выжженной оболочки.

Так они и жили. Три человека в одной избе. Три узника в трех разных, невидимых камерах пыток, построенных ими же самими. И никто из них не знал, как найти выход. И есть ли он вообще. Лес дал им пищу для тела. Но он отнял у них пищу для души – покой. И это было самое страшное испытание из всех. Не борьба с голодом, холодом или зверями. А борьба с тенями прошлого. С самими собой.

Глава 3

0

. Новый быт

Прошла неделя после смерти Гостомысла. А может, две. Время потеряло свой счет, оно больше не делилось на дни, а измерялось в выпадах на охоту, в количестве заготовленного мяса, в поленьях, уложенных в поленницу. Скорбь не ушла. Она просто вросла в них, стала частью их плоти и крови, как холод, пропитавший стены избы. Острый приступ горя сменился

тупой, ноющей болью, которая то затихала, то вспыхивала с новой силой от случайного слова или тени, похожей на знакомый силуэт.

Но жизнь, в своей безжалостной простоте, требовала своего. Нужно было есть, чтобы не ослабеть. Нужно было поддерживать огонь, чтобы не замерзнуть. Нужно было выживать. И эта суровая необходимость породила новый быт. Безмолвный, строгий, похожий на уклад в мужском монастыре отшельников, познавших страшную тайну.

Разговоры почти прекратились. Они общались короткими, рублеными фразами, жестами, взглядами. "Воды". "Дрова". "Ветер сменился". "След свежий". В этих словах не было эмоций, только информация. Они научились понимать друг друга без лишних объяснений, как старые, усталые волки, которые знают повадки каждого в стае. Лишние слова умерли вместе с Гостомыслом. Он был тем клеем, той добродушной простотой, которая позволяла им спорить, смеяться, мечтать. Теперь смеяться было не над чем. А мечтать – страшно.

У каждого из них появилась своя роль, своя зона ответственности, выкованная в огне трагедии.

Яромир стал абсолютным, непререкаемым лидером. Но его лидерство было лишено власти. Это была чистая, тяжелая, как камень, ответственность. Он планировал вылазки. Он решал, куда идти, сколько мяса брать с собой, когда возвращаться. Он распределял работу в избе. Он делал это не потому, что ему нравилось командовать. А потому, что кто-то должен был это делать. Кто-то должен был думать за них троих, пока их души были парализованы горем. И он взял эту ношу на себя.

Каждый вечер он садился у огня и доставал из-за пазухи маленькую деревянную лошадку. Он не играл с ней, не разглядывал. Он просто держал ее в своей большой, мозолистой руке. Эта крошечная, неуклюжая фигурка стала его советчиком и его судьей. Перед тем, как принять решение, он мысленно спрашивал у нее: "А что бы сказал он? Не одобрил бы ли он? Не приведет ли это к новой беде?". Лошадка, разумеется, молчала. Но этот безмолвный ритуал не давал ему забыть о цене ошибки. И его решения стали взвешенными, осторожными, лишенными всякого азарта. Он стал пастырем для своего маленького, израненного стада. И пастырем очень усталым.

Велеслав стал их хранителем. Он окончательно замкнулся в своем мире, в мире духов, трав и знаков. Но теперь его знания служили не для философских бесед, а для суровой практики. Перед каждой вылазкой он уходил один, "слушал лес". Возвращался и выносил вердикт: "Сегодня можно идти на юг. Северный склон зол, там чужой след". Или: "Вечером будет буран. Нужно проверить крышу и запастись дровами".

Его прогнозам больше никто не возражал. Даже Ратибор. Все помнили крик ворона.

Велеслав стал их щитом от невидимого мира. Он оставлял дары ручьям, кланялся старым деревьям, шептал слова, отгоняющие злых духов от их избы. Он взял на себя роль жреца, посредника между миром людей и миром леса. Он заботился о здоровье их тел – его отвары из трав спасали от простуды и заживляли царапины. И он, как мог, пытался лечить их души. Он не утешал. Он просто делал. Заваривал успокаивающий чай из чабреца. Клал под подушки веточки можжевельника, отгоняющие дурные сны. Это была его молчаливая забота. Его способ искупления вины за знание, которое не уберегло.

А Ратибор… Ратибор стал их оружием.

Вся его бешеная, неуемная энергия, которая раньше выплескивалась в ссорах и гордыне, теперь нашла другой выход. Он стал воплощением охотничьей ярости. На вылазках он шел первым, как таран. Его глаз, зоркий и злой, первым замечал зверя. Его рука, крепкая и безжалостная, первой наносила удар. Он перестал бравировать, перестал рисковать понапрасну. Он стал машиной для убийства. Эффективной, точной и абсолютно бездушной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.